

ТОМ 10

СБОРНИК КИТАЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Сюэ Ган

清朝故事

ИСТОРИИ ПЕРИОДА
ДИНАСТИИ ЦИН

Ган Сюэ

**Истории периода
династии Цин Том. 10**

«Автор»

2023

Сюэ Г.

Истории периода династии Цин Том. 10 / Г. Сюэ — «Автор»,
2023

Как известно, Китай имеет самую древнюю и полную непрерывно записанную в источниках историю в мире. Однако разобраться в этом море иероглифов – дело не такое уж простое. Данное издание – попытка собрать, систематизировать и изложить в удобной для восприятия форме рассказы, охватывающие события от древних времен до наших дней каждой значимой эпохи. И кажется, что авторам удалось упомянуть всех заметных персонажей и все важнейшие события в истории Поднебесной. Конечно, одна отдельная история сама по себе не может отразить целиком каждую эпоху. Но составители надеются, что у пытливых читателей по прочтении этих рассказов сложится хотя бы общее впечатление о хронологии и фактах богатейшей истории Китая. Адресовано школьникам, подросткам, их родителям, учителям и наставникам.

© Сюэ Г., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Помешанный император	11
Глубокие познания в китайских и западных науках	17
Восстание трех вассалов	23
Возвращение Тайваня	30
Черные соевые бобы да зеленые овощи	35
Регулирование рек и укрепление границ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ган Сюэ

Истории периода династии Цин Том. 10

Издание 1962 года

«Слово редактора»

(выдержки)

У Китая история письменных источников длиннее, чем у любой другой страны, и в ней больше содержательных и интересных исторических рассказов, чем в любой другой стране. Мы планируем издать «Сборник исторических рассказов Китая», который будет содержать рассказы от древних времен до наших дней: по одному для каждой эпохи, в общей сложности десять изданий. В этом сборнике рассказов, вероятно, упомянуты все важные события и деятели в китайской истории. Однако есть некоторые события и персонажи, хоть не слишком важные в истории, но очень интересные, которые могут быть использованы как модель для современных людей. О них часто рассказывают, часто поется на сцене, они также часто упоминаются в статьях. Этот сборник также должен содержать как можно больше таких историй. Конечно, одна история сама по себе не сможет отразить общий облик каждой эпохи. Я только надеюсь, что юные друзья смогут прочитать эти истории и составить общее впечатление о различных эпохах в истории Китая. Тогда при изучении истории вам будет намного легче и удобнее.

Автор приложил немало усилий, чтобы подобрать эти истории. При написании этих рассказов особое внимание уделялось использованию китайского языка на основе пекинского диалекта, чтобы их было легко читать и слушать, как если бы кто-то рассказывал историю. В то время, когда в рассказе упоминались топонимы, большинство соответствующих им современных топонимов аннотировалось в скобках после топонима. Большинство сложных слов, упомянутых в рассказе, отмечено произношением, некоторые не являются трудными словами, но произношение в древности было другим, поэтому произношение также было отмечено.

Редакция

Январь 1962 года

Издание 1978 года

«Послесловие»

(выдержки)

Китай имеет долгую, хорошо написанную историю, и у него есть много интересных исторических рассказов. В 1961 году мы планировали издать набор «Сборников исторических рассказов Китая» для наших юных друзей: с древних времен до наших дней, по одному для каждой эпохи, в общей сложности десять изданий. Мы попросили господина Линь Ханьда написать этот сборник рассказов. Он согласился и последовательно написал «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств», «Истории династии Западная Хань» и «Истории династии Восточная Хань». Первые три были опубликованы в то время. Только после начала «культурной революции» работа остановилась.

Теперь мы решили переиздать «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств», «Истории династии Западная Хань» и опубликовать «Истории династии Восточная Хань». Потому что, с одной стороны, эти исторические рассказы в целом приветствовались молодыми друзьями, указывая на то, что наш первоначальный план соответствует требованиям каждого. С другой стороны, возвращение многих исторических рассказов в их первоначальный вид может помочь молодым друзьям разглядеть и разоблачить зловещие намерения «Банды

четырёх» исказить и фальсифицировать историю. Господин Линь Ханьда скончался, поэтому этот набор книг можно издать только в четырех экземплярах, и они в основном будут опубликованы в том виде, в каком он написал их перед смертью.

Редакция

Июль 1978 года

Издание 1981 года

«Истории Троецарствия»

Послесловие

После публикации «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств», «Истории династии Западная Хань» и «Истории династии Восточная Хань», написанных господином Линь Ханьда, они были одобрены большинством читателей. Многие люди писали в издательство в надежде, что этот «Сборник исторических рассказов Китая» будет продолжать издаваться. С этой целью издательство попросило нас систематизировать и сократить эту «Историю Троецарствия» на основе рукописи (почти 500 000 слов) «Истории Троецарствия», написанной господином Линь Ханьда при его жизни.

Чтобы сюжетные линии этой книги соответствовали историческим фактам, мы внесли изменения и дополнения в некоторые места в процессе сокращения. Тем не менее, основное содержание и основной стиль книги по-прежнему основаны на оригинальной рукописи господина Линя. Поэтому господин Линь по-прежнему является главным автором этой книги. В процессе написания этой книги мы получили восторженную поддержку товарища Се Лилинь, жены господина Линя. Товарищ Цзя Янь, который был секретарем господина Линя, переработал текст этой книги. Мы здесь для того, чтобы выразить нашу благодарность.

Бянь Цзиши

Ноябрь 1980 года

Отрывок о неразрывной связи с тем, чтобы продолжать писать и редактировать «Сборник исторических рассказов Китая»

Сюэ Ган

Ранней весной 1978 года я приехал на работу в детское издательство Китая. На этот раз это был перевод по работе, когда сам являешься без приглашения, да к тому же «не в ту дверь». В то время я хотел пойти в журнал «молодежное издательство Китая», но не знал, что молодежное и детское издательства были одной компанией. Я не знал внутренней истории до дня отчетности, когда отдел кадров сказал мне договориться о том, чтобы пойти в детское издательство. До этого я мало что знал о детских книгах и особо не интересовался ими. Я помню, что в первый день, когда я пошел работать в детское издательство, со мной встретился руководитель, и я прямо высказал свои мысли, надеясь получить возможность перевестись в молодежное издательство. Я не ожидал, что на этот раз, войдя в двери детского издательства, я не сдвинусь с места и проработаю тут более 20 лет. Наоборот, именно в процессе у меня появился интерес к детским книгам. Оглядываясь назад, я понимаю, что первое, что побудило меня посвятить себя этой карьере, – это «Сборник исторических рассказов Китая».

Вскоре после моего прихода в издательство директор редакции поручил мне отредактировать и переиздать «Сборник исторических рассказов Китая». В то время было принято решение сделать две вещи: во-первых, отредактировать и переиздать «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств» и «Истории династии Западная Хань»; во-вторых, отредак-

тировать и обработать неопубликованную, но уже написанную «Истории династии Восточная Хань».

По словам руководителя, «Сборник исторических рассказов Китая» представлял набор книг, задуманных и организованных издательством в начале 1960-х годов так, чтобы для каждой эпохи была написана одна книга. Автором был выбран господин Линь Ханьда, который хорошо писал популярные книги. Господин Линь некогда написал «Новый сборник рассказов о династии Восточная Чжоу», а позже – «Новый сборник рассказов о фронте и тыле династии Хань», которые стали очень популярными. После приглашения он быстро написал и опубликовал «Истории Весны и Осени», «Истории Сражающихся царств» и «Истории династии Западная Хань». «Истории династии Восточная Хань» также была завершена, но из-за «культурной революции» она не была опубликована. В то же время господин Линь также написал более короткую книгу «Все пять тысяч лет», которую так и не закончил.

Эти исторические рассказы, опубликованные детским издательством, являются одними из лучших работ господина Линя, демонстрируя его уникальный стиль письма. Он пытался писать на мандаринском языке, сочиняя исторические рассказы, так что эти книги являются одновременно исторической и китайской литературой. Китай имеет долгую и глубокую историю, и такое количество персонажей и событий трудно совместить и написать о них. Господин Линь использовал метод бисероплетения шелковыми нитями, чтобы связать историю персонажей, сосредоточив внимание на ключевых моментах, не прерывая, связывая верх и низ, интегрируя большие истории с маленькими. Существует также литературный стиль с «пекинским колоритом», с очень небольшим количеством прилагательных и трафаретных слов, подобных даосизму, что притягивает читателя – увлекательный и неизбежный результат этого сборника.

Когда я учился в средней школе, я читал «Новую историю восточных королевств Чжоу», а также «Истории Весны и Осени», и у меня осталось хорошее впечатление. Теперь, когда я могу отредактировать ее сам, я, естественно, чувствую тепло. После тщательного изучения методов написания этих книг я быстро «вошел в роль». Помимо некоторой текстовой обработки первых трех книг, согласно тогдашнему плану доработки, подражая почерку господина Линя, написал произведение «Кругосветное путешествие» на замену «Встрече долины» в «Истории Весны и Осени». На практике я предварительно усвоил его способ построения рассказов, овладел его языковыми особенностями и некоторыми привычками употребления слов и предложений. Господин Линь написал статью об использовании языка, которую я тоже внимательно прочитал.

После редактирования трех книг – «Весна и Осень», «Сражающиеся царства» и «Династия Западная Хань» – я приступил к редактированию и обработке «Истории династии Восточная Хань». Посмертная работа господина Линя была написана в разгар «культурной революции». Из-за политической ситуации того времени она не была такой утонченной, как первые три. Отобранные рассказы были недостаточно богатыми, а язык относительно пресным. У меня появились опасения, я озадачился: как поступить? Посоветовавшись с господином Е Чжишанем и другими, я отредактировал некоторые тексты, которые только объясняли исторические факты без сюжета, и упорядочил метод аранжировки и стиль языка в соответствии с предыдущими книгами. После обработки рукописи рассказ стал легко читаться. Господин Е и руководители были очень довольны.

В процессе редактирования и обработки этих книг у меня, естественно, возникло желание посетить дом господина Линя. В то время его супруга, госпожа Линь Се Лилинь, жила в переулке Сантьяо в доме № 29, Пикай Хутонг, Сичэн. Когда я впервые подошел к двери, хотя госпожа Линь была в плохом состоянии и у нее были проблемы со зрением, она приняла меня очень тепло. С тех пор я общаюсь с семьей Линь уже более 30 лет. Госпожа Линь показала мне дневник и другие вещи господина Линя, и я узнал больше о почтенном учителе.

Господин Линь Ханьда родился в 1900 году в Нинбо, провинция Чжэцзян. В раннем возрасте, совмещая учебу с работой, он окончил университет. Съездил в Америку на учебу, где получил степень доктора. Вернувшись в Шанхай, он стал профессором университета. Во время преподавания он изучал лингвистику и реформу китайских иероглифов, а также писал популярные книги. Он говорил на диалекте Нинбо, но аутентичный пекинский язык в его произведениях показывает глубину его мастерства. В 1945 году он участвовал в организации Китайской ассоциации содействия демократии и был одним из основателей демократии. В 1954 году он был назначен заместителем министра образования и членом Комитета по реформе письма. В 1957 году он был назван «правым». С тех пор он посвятил себя писательству, уделяя особое внимание популярным историческим чтениям. К сожалению, из-за «культурной революции» три серии книг, которые он планировал написать (отредактированная серия, серия рассказов и «Все пять тысяч лет»), не были закончены. В 1972 году премьер-министр Чжоу Эньлай попросил его отредактировать перевод. Он тщательно редактировал английские оригиналы и часто работал до поздней ночи. На второй день после завершения редактирования он перенес сердечный приступ и трагически скончался.

От госпожи Линь я узнал, что редактор детского издательства Шанхая уже был здесь и забрал рукопись господина Линя «Новое издание Истории Троецарствия» (500 000 слов) и начало рукописи «Все пять тысяч лет» (чтобы впоследствии попросить кого-нибудь дописать его). И когда я увидел еще одну рукопись «Нового издания Истории Троецарствия» у госпожи Линь, у меня тоже возникла идея: сократить и адаптировать ее в соответствии с объемом первых четырех книг «Сборника исторических рассказов Китая», а затем опубликовать «Истории Троецарствия». Вернувшись, я доложил об этом руководителю и получил немедленную поддержку. С согласия госпожи Линь я забрал оригинальную рукопись с собой.

Тема была определена, но кто будет писать? Первый, кто пришел мне на ум, это Цзя Юань, который раньше был секретарем Линь Ханьды. По словам госпожи Линь, Цзя Юань помогал Линь Ханьда просматривать рукописи во время его пребывания на посту секретаря в 1950-х годах и был хорошо знаком с его языковым стилем. Я нашел Цзя Юаня, который работал за границей и возвращался в Пекин, чтобы навестить родственников. Господин Цзя – искренний и полный энтузиазма человек. Узнав о моей ситуации и идеях, он сказал, что, хотя у него есть прочная письменная база, он не знаком с историей и слишком стар, чтобы взяться за писательскую работу. Он ободряюще сказал мне: «Только вы способны взяться за это дело, а я могу помочь вам проверить написанное». Его идея совпала с идеей моего начальства, которое также предложило мне самому написать книгу. В то время я без колебаний согласился и вскоре начал придумывать основу, неоднократно перечитывал рукопись, чтобы выбрать сюжеты, и читал исторические книги, чтобы исправить исторические факты. Главное – овладеть манерой речи и особенностями языка. Три месяца спустя я написал рукопись, которая прошла окончательную проверку и рецензирование у господина Цзя Юаня и была опубликована в апреле 1981 года.

Публикация «Истории Троецарствия» полностью отразила творчество Линь Ханьды. Госпожа Линь была довольна качеством книги и подумала, что «это действительно Ханьды». Цзя Юань также сказал мне, что, когда он читал книгу, он чувствовал то же самое, что и при прочтении рукописи господина Линя. Благодаря этим книгам со мной познакомились и коллеги из молодежного издательства Китая. Прочитав книгу, многие люди говорили мне: «Очень нравится», «Очень удачно» и даже называли меня «маленьким Линь Ханьда». В то же время это также давало надежду на продолжение «Сборника исторических рассказов Китая». Некоторые руководители и старые редакторы предложили мне взять на себя ответственность за продолжение этой книги.

Честно говоря, причина, по которой я хорошо справляюсь с этими вещами, заключается в том, что я получил литературное образование и с детства любил историю. Я начал читать

древние письмены с четвертого класса начальной школы. Когда я не был вовлечен в «культурную революцию», я сам читал курсы «Всеобщая история Китая» и «Всеобщая история мира». Кроме того, я часто смотрю Пекинскую оперу и слушаю Куньцю, и я лучше знаком с общим обликом истории, поэтому могу писать спокойно и отличать подлинность от лжи. Во-вторых, я вырос в Пекине и имею практический опыт владения пекинским диалектом, который легко интегрируется с языковым стилем Линь Ханьды. Третье – у меня есть длительный опыт работы и писательская практика, а также отсутствие страха писать большие статьи и большие работы. В-четвертых, я обладаю умением входить куда угодно и выходить оттуда, умением отступить и привычкой открывать и осваивать внутренние закономерности.

В начале 1982 года тогдашнее Государственное издательское бюро организовало Национальную детскую книжную премию. «История Троецарствия» издательства Чжуншао была удостоена первой премии как выдающаяся литература, а книга «Все пять тысяч лет» издательства «Шаншао» была удостоена награды за выдающиеся достижения. Говоря об этих двух книгах, господин Линь Мохан, председатель жюри, сказал: «Я читал обе книги. «История Троецарствия» издательства «Чжуншао» представляет собой оригинальный и уникальный стиль произведений Линь Ханьды и должна получить первый приз». Когда Линь Мохан увидел меня и услышал, что мне не платят за то, что я пишу, он от метил: «Это хорошо, очень щедро». И примером Энгельса, который продолжил писать «Капитал» Маркса, он воодушевил меня продолжать.

Чтобы удовлетворить потребности читателей, мы собрали и опубликовали эти пять книг в 1983 году. После 1987 года мы собрали и переиздали их, назвав книгу «Сборник исторических рассказов Китая» с пометкой «Линь Ханьда» перед названием, чтобы подчеркнуть статус автора. За этот период редакция получила сотни писем от читателей, выразивших свою любовь к этому сборнику, и все они надеялись на то, что мы закончим его редактирование. Среди них также были вызвавшие помочь. Я составил конкретный план и попросил некоторых энтузиастов попробовать перо. Но, конечно же, нелегко поддерживать оригинальный стиль письма, поэтому они не были успешны. Моя собственная работа тоже изменилась. Сначала меня перевели редактировать «Ювенальную серию Байке», а затем я стал главой офиса и общества. У меня больше не было времени рассматривать работу над продолжением этого сборника. Однако такие масштабные книги, как «Всеобщая история Китая», «Всеобщая история мира», «Полная книга историй китайских иероглифов», «Священная война сопротивления» и «Серия великих людей мира», которую я редактировал, были опубликованы последовательно, что также компенсирует этот недостаток. В то же время я много раз заявлял, что все еще готов заниматься работой над сборником в свободное время.

Более тридцати лет пролетели в мгновение ока. Отраднее, что, хотя новые исторические книги появлялись бесконечным потоком, этот сборник исторических историй все еще оставался в поле зрения и памяти людей. Некоторые читатели считают, что «Сборник исторических рассказов Китая» – самое запоминающееся популярное историческое чтение, которое они видели. Они выросли, читая эту книгу, и теперь надеются, что их потомки смогут продолжать читать ее. Читатели так любят эту книгу, что я чувствую не обходимость продолжить ее редактирование. До и после моего ухода с должности в издательстве и за его пределами было много людей, которые убеждали меня начать писать как можно скорее. Поэтому я составил план продолжения написания и редактирования пяти серий, а именно «Истории династии Цзинь, Северной и Южной династий», «Истории династий Суй и Тан», «Истории династий Сун и Юань», «Истории династии Мин» и «Истории династии Цин». Вместе с первыми пятью сериями будут одновременно опубликованы десять серий «Сборника исторических рассказов Китая». Я также предположил, что он должен сохранить свой первоначальный стиль. Во-первых, нужно сохранить метод отбора материалов и языкового стиля при написании. Во-вторых, сохранить стиль оформления обложки оригинальной книги и, в-третьих, иллюстрации

по-прежнему должны быть черно-белыми с акцентом на формы персонажей. Конечно, некоторые вещи – такие как фолиант, переплет, бумага, верстка и другие – изменились с развитием времени и техническим прогрессом. На этот раз все они выглядят по-новому.

На чем я хочу сосредоточиться, так это на проблеме организации контента и языкового выражения. Люди, которые разбираются в истории, почувствуют, что последние пять серий охватывают гораздо более длительный период династий, чем первые пять серий, и исторические материалы намного богаче. Это затрудняет выбор сюжета и смену темы в серии. Однако, чтобы сохранить примерно ту же длину, что и у первых пяти серий, объем был лишь немного увеличен. В дополнение к сосредоточению внимания на основном контексте и основном сюжете я постарался рассказать как можно больше коротких историй и связанных с ними фактов, чтобы адаптироваться к способности современного читателя к чтению. Разговорная речь является характерной чертой языка этой книги. А разговорный язык людей постоянно обогащается и меняется, поэтому копировать первые пять серий невозможно и не нужно. Разговорный язык в XXI веке также отличается от разговорного языка десятилетие назад: появилось много новой лексики, и некоторая используется при письме, но я отвергаю смешные понятия «язык интернета» и «язык мобильного телефона».

Когда последние пять серий были переизданы, в этот раз я также исправил и отредактировал содержимое первых пяти серий – в частности, на основе изданий 1962 и 1978 годов. С точки зрения аннотаций и фонетики были внесены изменения в соответствии с новой ситуацией. В сюжетную линию было внесено множество дополнений и уточнений, чтобы улучшить ощущение истории и повествования и облегчить понимание читателями. Кое-где даются объяснения, основанные на новых исторических открытиях. Например, рассказ о Су Цинь и Чжан И в «Истории Сражающихся царств» большей частью основан на содержании «Исторических записок», но более поздние археологические открытия имеют новые объяснения. Учитывая смерть автора и другие причины, на этот раз исходный текст все же сохранен, но одновременно были сделаны аннотации.

С тех пор, как я привязался к этому сборнику в конце 1970-х, я никогда его не забывал, хотя был пробел, и все хотели, чтобы у этого проекта был счастливый конец, а не полупроjekt. Я много раз говорил: история вездесуща, исторические чтения вечнозелены, и моя надежда не подведет. Теперь я сдержу свое обещание. Осталось три слова для будущих редакторов и читателей: во-первых, мы должны неуклонно составлять книги, усердно учиться, получать настоящие знания и развивать настоящие навыки. Второе – нам нужно овладеть методом чтения исторических книг: не только анализировать людей и события в контексте времени, но и не руководствоваться словами и делами древних, а быть спокойным читателем. В-третьих, вспомнить слова Мэн-цзы: «Лучше не иметь книги, если веришь в нее». В каждой книге есть свои несовершенства, и эта книга не исключение. Способность обнаружить ограничения и недостатки в ней также является признаком умения читать.

Язык – зеркало души и кисть, история – зеркало общества и гребень. Это даст читателям реальное ощущение в книге. Давайте вместе послушаем безмолвное повествование, увидим невидимую эволюцию разума, примем решетку истории, испытаем омовение культурной святой водой и завершим накопление знаний в жизни.

Январь 2015 года

Помешанный император

В 1644 году армия государства Цин вошла в Пекин, и первоначальная «Дайцинская империя» захватила всю страну – так и началась эпоха династии Цин. Династия Цин была похожа на династию Мин: независимо от того, сколько лет император пребывал у власти, у него был только один девиз правления. Люди во время династии Цин также любили называть действующего императора девизом его правления. Это было проще, чем называть императора посмертным именем или храмовым именем, как раньше. Посмертное имя и храмовое имя появлялись после смерти императора, при жизни этих имен не было, поэтому людям, которые не особо разбирались в истории, было легко запутаться.

Первым императором династии Цин после взятия крепости Шаньхайгуань был Фулинь, храмовое имя – Шицзу, девиз правления – Шуньчжи (досл. «благоприятное правление»). Император Шуньчжи наследовал престол еще в шесть лет, поэтому важными военными и политическими делами управлял его 14-й дядя князь Жуй по имени Доргонь. Изначально Доргонь сам хотел стать императором, с детства он был смысленным и расчетливым, среди всех братьев он был самым выдающимся, кроме того, у него были выдающиеся боевые заслуги. После смерти Хуантайцзи (Абахая) он намеревался взять на себя ведущую роль. Его братья по матери Айсиньгиоро Аджигэ и Айсиньгиоро Додо также держали в руках контроль над армией и были с ним единомышленны. Но старший сын Хуантайцзи князь Су Айсиньгиоро Хаогэ также хотел взойти на императорский престол. Хотя Хаогэ был племянником Доргоня, но он был на несколько лет старше своего дяди, и многие люди поддерживали его. Эти двое сцепились, и никто из них не хотел уступать. В тот момент у Фулиня появилась благоприятная возможность.

Родная мать Фулиня наложница Чжуан была монголкой по фамилии Борджигин. Среди жен и наложниц императора Хуантайцзи ее статус был невысоким. Однако, к счастью, ее старшая двоюродная сестра вышла замуж за Доргоня. И тогда, глядя на то, как муж старшей сестры и Хаогэ соперничают за императорский престол, она сказала Доргоню: «Ты безусловно можешь стать императором за свои заслуги и достижения. Но сыновья твоего старшего брата не согласятся с этим. Начнется скандал, а это никому не нужно. Ты же понимаешь это лучше, чем я». Доргонь спросил: «Тогда какое же Ваше высокое предложение?». Сжав губы, наложница Чжуан улыбнулась: «Лучше уж позволь моему сыну вступить на престол. Ты станешь регентом, и все будет по-твоему. Он еще мальчишка, разве он не будет слушаться тебя?». Доргонь подумал, что его реальная сила по сравнению с Хаогэ не имеет выигрышного положения, и если вступить в конфликт, то еще неизвестно, как все закончится. И он согласился. Как только новость была оглашена, и верхи, и низы согласились, поэтому Хаогэ уже было негде продолжать борьбу. Таким образом, Фулинь вступил на престол, наложница Чжуан с уважением была признана как мать императора, а именно как вдовствующая императрица Сяо Чжуан. Доргонь стал дядей регентом. Он регентствовал вместе с князем Чжэнем Айсиньгиоро Цзиргаланом, который был племянником Нурхаца и был старше Доргоня на десять с лишним лет.

Когда цинская армия проникла во Внутренний Китай, победила Ли Цзычэна и Чжан Сяньчжуна и уничтожила князей Фу и Тан Южной Мин, заслуги Доргоня представлялись чрезвычайно большими, и император Шуньчжи признал его регентом императора. Это означало, что император Шуньчжи считал Доргоня родным отцом. Некоторые люди размышляли: неужели вдовствующая императрица Сяо Чжуан вышла замуж за нижестоящего Доргоня? На самом деле, в древние времена подданных с особо большими заслугами часто с уважением признавали «отцами». Однако с тех пор Доргонь стал корнем зла: он бесчинствовал, самовольничал, был нетерпим к людям, как только у него появилась верховная власть, он ни во что не ставил маленького императора. Например, он забирал домой императорскую печать и пользо-

вался ею, не уведомляя об этом императора, это происходило постоянно, что нарушало большой запрет.

Доргонь рассматривал Хаогэ и Цзиргалана как противников и постоянно раздумывал над тем, как бы с ними разделаться. Некоторые люди разоблачили сплетни Хаогэ о бунте за спиной Доргоня, и тот убил доверенное лицо Хаогэ и даже собирался убить самого Хаогэ. Император Шуньчжи был младшим братом Хаогэ, узнав, что его старший брат находится в опасности, он громко рыдал и отказывался от еды, тогда Доргонь сложил оружие и отказался от своего замысла. Из-за этого происшествия маленький император возненавидел Доргоня. Вскоре Доргонь опять начал говорить, что Хаогэ поставил на ответственные посты негодяев, позволяя подчиненным приписывать себе чужие заслуги и получать награды. За ужасные преступления он был лишен своего титула и был брошен в тюрьму. У Хаогэ также были большие заслуги, как он мог вытерпеть эту горькую обиду? Вскоре он умер в темнице. Цзиргалан всегда был расположен к Хаогэ, и Доргонь также постоянно оказывал на него давление, в конце концов он понизил его статус регента до «помощника регента». Внешне Цзиргалан покорно повиновался, но его сердце было преисполнено ненависти, он четко помнил все поступки Доргоня и только ждал благоприятной возможности, чтобы свести счеты.

Как-то осенью 1650 года нашей эры Доргонь поехал в Губэйкоу на охоту, по неосторожности он упал с лошади и разбил колено. Рана оказалась роковой, и он умер, ему тогда было всего 39 лет. 13-летний император Шуньчжи принял бразды правления и посмертно присвоил Доргоню титул «Почтительного и справедливого императора», то есть «почетного императора». Его похороны также происходили на уровне последних почестей императора. Кто бы мог подумать, что всего через два месяца Цзиргалан и его окружение разоблачат Доргоня, указывая на его великое множество ошибок и говоря, что он уже давно желал захватить власть, а поэтому должен был быть призван к ответу. Император Шуньчжи тут же рассердился и не только отнял у Доргоня титул, но также и конфисковал личную собственность. Люди, которых так разозлил Доргонь, разрыли его могилу, вытащили труп и избили его палками и кнутами, а затем даже отрубили ему голову. Очевидцы говорили, что в то время расправа Доргоня над Хаогэ была слишком жестокой, а нынешняя расправа над Доргонем была еще большей крайностью¹.

Несмотря на то, что император Шуньчжи был еще ребенком, он уже осознавал, что власть была самой важной. Когда он принял бразды правления, он непосредственно взял в свои руки контроль над самыми могущими воинскими отрядами под названием «Три верхние знамени», которые состояли из «Истинно желтого знамени», «Желтого знамени с каймой» и «Истинно белого знамени». Кроме того, было установлено, что знаменосцы «Пяти нижних знамен» также назначались на должность императором. Что касается министров, то он взял на вооружение способ времен династии Мин: он создал государственную канцелярию, чтобы *дасюэши*² помогали в управлении, кроме того, он доверял ответственную работу гражданским чиновникам и полководцам, которые были китайцами *ханьцы*.

Он также знал, как привлекать к себе симпатии. Как только цинская династия проникла во Внутренний Китай, тогда все еще применялись старые маньчжурские обычаи: знати позволялось произвольно огораживать земли. Какой участок один из представителей знати объезжал на лошади, тот участок вместе с землями крестьян и их домами ему и доставался, а проживающие там люди становились его слугами. Такие правила были слишком примитивными, в результате многие пахотные земли превратились в пастбища и пустыри. Как же китайцам не взбунтоваться? Император Шуньчжи приказал вернуть земли прежним владельцам и запретил

¹ Во время правления Цяньлуна с Доргоня сняли несправедливое обвинение и вернули ему высочайший титул члена императорской фамилии.

² Дасюэши – великий ученый муж; гражданский чин 5-го ранга, учрежденный в эпоху Мин; дасюэши состояли советниками при императоре.

впредь захватывать дома и пахотную землю народа. С тех пор уровень государственного правления династии Цин значительно повысился.

Император Шуньчжи возобновил систему старших дворцовых евнухов и сразу же призвал во дворец несколько тысяч евнухов. Некоторые цензоры и личные секретари императора возражали: «На протяжении многих минувших династий евнухи были истинными вредителями. Мы, маньчжуры, никогда не пользовались услугами евнухов». Император Шуньчжи рассердился и с угрюмым видом сказал: «Нанимая евнухов, я не позволяю им вмешиваться в политику, как было в прежних династиях. Не вмешивайтесь!». Хотя это дело хромало, но все министры поняли, что император Шуньчжи был чрезвычайно осмотрительным, а также обладал скверным характером. Не только гражданские и военные чиновники, но и сама мать императора, не смогли бы взять над ним верх.

Увидев, что император Шуньчжи уже возмужал, вдовствующая императрица Сяо Чжуан решила найти ему императрицу, чтобы осуществить бракосочетание императора. Она выбрала ему монгольскую девушку, которая являлась ее племянницей. Когда ему исполнилось 14 лет, император Шуньчжи женился. Однако жена ему с самого начала не понравилась, поэтому он относился к ней пренебрежительно. Вдовствующая императрица Сяо Чжуан пристала к нему с расспросами, и он сказал: «Императрица такая завистливая! У кого приятная внешность, того она ненавидит до смерти. Она также слишком показная: все ее вещи должны быть драгоценностями и сокровищами. У нас слишком разные характеры, я хочу бросить ее». Вдовствующая императрица Сяо Чжуан была недовольна: «Как же можно взять да бросить императрицу?». Император Шуньчжи спорил и препирался: «Испокон веков отказывались от императриц, нет в этом ничего странного». Когда распространились эти слухи, многие министры запротестовали и выступили с докладом императору: «Императрица является матерью Поднебесной, это затрагивает репутацию страны, никак нельзя легкомысленно и опрометчиво изменять существующее положение дел».

Император Шуньчжи ухватился за эту логику и сказал: «Вот именно потому, что императрица должна быть примерной матерью всей страны, она этого не достойна, и я хочу заменить ее». В процессе долгих споров никто так и не смог переубедить его. Император Шуньчжи объявил о решении понизить императрицу до статуса императорской наложницы и отправить ее жить отдельно.

Вдовствующая императрица Сяо Чжуан опять занялась поисками будущей императрицы в своем родительском доме. Император Шуньчжи очень долго выбирал жену, наконец-то выбрал и таким образом состоялось второе бракосочетание императора. Однако вскоре он начал придирается и к новой императрице: он говорил, что характер у нее был сносный, вот только была она слишком обычной и с ней не было о чем поговорить. Однако, когда он снова заговорил о том, чтобы разжаловать императрицу, мать императора Сяо Чжуан решительно отказалась, и тогда между матерью и сыном возникли противоречия. На самом деле, император Шуньчжи с детства изучал китайскую культуру, ему нравилось писать стихи и рисовать, поэтому он всегда мечтал об умной, добродетельной и ласковой спутнице. Оба брака оказались неудачными, и ему было чрезвычайно досадно, поэтому он по поводу и без повода раздражался и сердился.

Через два года императору Шуньчжи действительно понравилась одна наложница по имени Дун Э. Это дело казалось неразрешимой загадкой. Наложница Дун Э была дочерью министра Э Шо. Ей было семнадцать лет, когда она вошла во дворец, так что в то время она была уже достаточно взрослой. Как только она попала во дворец, ее провозгласили «добродетельной государыней», а через месяц повысили до «императорской наложницы», которая по статусу была следующей после императрицы. Кроме этого, император Шуньчжи в нарушение традиций объявил о титуле императорской наложницы на всю страну, словно дело шло о титуле императрицы. Было очевидно, что он был необычайно счастлив. С тех пор начали разноситься

слухи о происхождении этой императорской наложницы. Некоторые говорили, что она была известной куртизанкой по имени Дун Сяюань из района Циньхуай, которая вращалась в одних кругах с куртизанкой Чэнь Юаньюань. Конечно же, это были беспочвенные слухи. Некоторые рассказывали, что сначала она была женой младшего брата императора Шуньчжи, а когда она ему приглянулась, то он ее отобрал. Как бы то ни было, в этот раз император Шуньчжи влюбился по-настоящему, ему слишком нравилась наложница Дун Э, и при встрече он неустанно рассказывал, как она была хороша.

Наложница Дун Э была не только красивой, но и образованной и воспитанной, она умела заботиться о людях, безупречно ухаживала за императором и с уважением относилась к матери императора и императрице. Верхи и низы никогда не упрекали ее. С тех пор, как появилась наложница Дун Э, император Шуньчжи стал намного спокойнее, у него улучшился характер, и он только желал близости с Дун Э. Вскоре наложница Дун Э родила сына. Император Шуньчжи еще больше обрадовался и называл его «Наш первый сын». На самом деле у него уже было трое сыновей, почему же он называл его первым? Было очевидным, что он хотел сделать его наследником престола. Кто бы мог подумать, что не пройдет и трех месяцев, мальчику не успеют даже дать имя, как он заболеет и умрет. Император Шуньчжи был убит горем и для того, чтобы утешить наложницу Дун Э, он посмертно присвоил этому ребенку титул принца.

Наложница Дун Э не вынесла этого удара, она внезапно заболела и через два года умерла. Это причинило невероятные страдания императору Шуньчжи. Не заботясь о своем императорском статусе, он безутешно рыдал перед слугами и причитал: «Мне тоже не жить, я пойду вслед за ней!». И с этими словами он порывался покончить с собой. Вдовствующая императрица Сяо Чжуан тут же отдала приказ охранять его и днем, и ночью. Успокоившись, император Шуньчжи решил пышно похоронить любимую наложницу. Не говоря уже о посмертном титуле императрицы, он приказал всему императорскому двору и населению всей страны носить траур. Кроме того, он приказал тридцати евнухам и придворным девицам покончить с собой и последовать в могилу за императорской наложницей, чтобы заботиться о ней в загробном мире. С того времени молодой император стал тенью, он с каждым днем худел и время от времени бормотал: «Я хочу уйти от мира и стать монахом!». Услышав это, все были озадачены.

На самом деле император Шуньчжи с детства исповедовал буддизм. Все эти годы правления ему казалось, что заниматься управлением государства и военными делами было крайне скучно, он давно стремился к покою и безмятежности. За несколько лет до этого он ходил в храм Хайхуэй, чтобы поговорить с монахами, он так завидовал беззаботности монахов. Монахи говорили, что в прошлом перерождении он был Буддой, и он действительно в это верил, говоря: «Как только я захожу в буддийский монастырь, мне становится легко и хорошо, мне не хочется возвращаться обратно во дворец. По-видимому, в прошлом перерождении я и правда был монахом. Если бы я не переживал о своей матери, я бы тут же ушел от мира и принял монашество». Монахи отвечали: «Император поистине является сыном неба!». Подняв брови, император Шуньчжи сказал: «Отныне и впредь я – последователь Будды!». Он выбрал себе монашеское имя «Хан Чи» (*хан* – старшинство буддийской школы, *чи* – «ослепленный, помешанный»), а буддийское имя – «ослепленный монах». С того времени император Шуньчжи все меньше интересовался государственными делами, но писал стихи: «Первоначально я был монахом на западных небесах, почему же я родился в семье императора? Последние восемнадцать лет не было у меня свободы, я участвовал в многочисленных сражениях и битвах, когда же у меня были счастливые времена? Я думаю о том, чтобы разжать руки и умереть, кто ведает тысячами лет и десятками тысяч лет?».

После смерти наложницы Дун Э императору Шуньчжи казалось, что в светской жизни не осталось никакой радости, поэтому у него появилась идея уйти в монастырь. Он часто убегал в монастырь, оставаясь там на ночь. Однажды он позвал монаха по имени Син Сэнь, чтобы тот выбрил ему голову, и император смог уйти в монастырь. Син Сэнь сказал: «Вы – импера-

тор, я не посмею!». Император Шуньчжи ответил: «Я решил отказаться от трона и стать монахом. В любом случае это не имеет к тебе никакого отношения!». Син Сэню осталось только побрить его налысо. Как только об этом стало известно, императорский двор был шокирован. Больше всех переживала вдовствующая императрица Сяо Чжуан. Она сердито говорила: «У этого мальчишки нет императорского стержня! Быстро позовите сюда наставника Юйлинь Тунсю и велите ему заняться своим послушником!». Юйлинь Тунсю был наставником Син Сэня. Услышав, что его послушник побрил голову императора, он поспешно прибежал. Увидев Син Сэня, он тут же начал браниться: «Как ты смеешь постригать в монахи императора? Не будет тебе пощады!». Он приказал принести дрова, чтобы сжечь его живьем. Как мог император Шуньчжи позволить ему умереть? И он сказал: «Это была моя идея. Раз уж все так сложилось, то я не уйду в монастырь и все!». Так Син Сэню удалось остаться в живых.

Хотя императору Шуньчжи не удалось стать монахом, его сердце уже нельзя было вернуть, его здоровье также значительно ослабло. После смерти наложницы Дун Э в 1661 году не прошло и четырех месяцев, как этот странный помешанный император также скончался, оставив после себя множество трудных для понимания вопросов.

Император Шуньчжи приказал монаху побрить ему голову, чтобы уйти в монастырь

Глубокие познания в китайских и западных науках

Когда император Шуньчжи умер, ему было всего 24 года. Говорили, что он заболел черной оспой, которую в те времена называли «натуральной оспой». В то время эта болезнь была смертельной, и даже если человек не умирал, то все его лицо покрывалось оспинами. Император Шуньчжи знал, что заболел оспой, и предполагал, что ему осталось жить недолго, поэтому поспешно занялся организацией траурных обрядов. Во-первых, он позвал министров Ван Си и Ма Лэцзи, чтобы написать завещание; во-вторых, он назначил третьего сына Сюанье, которому было восемь лет, наследником престола; в-третьих, он назначил четырех министров регентами для управления политикой двора. Не говоря уж о последних двух пунктах, даже первый пункт был непонятен окружающим. Столкнувшись с какими-либо природными или техногенными катастрофами, императоры прежних династий издавали «указ о принятии вины на себя» и брали на себя всю ответственность, а также просили Всевышнего о милости и благословении. Император Шуньчжи тоже так делал. Однако в своем завещании он перечислил 14 ужасных преступлений, отрицая практически все свои дела. Все же он был первым императором, который решился так себя раскритиковать. Завещание императора было объявлено императорскому двору только после его смерти, поэтому многие люди считали, что эти посмертные слова были волей не императора, а вдовствующей императрицы Сяо Чжуан и министров. Они были недовольны многими поступками императора Шуньчжи. Впоследствии появилось множество различных слухов о кончине этого императора, и хотя все они являлись дикими предположениями, но все же они были связаны со странностями императора.

Вдовствующая императрица Сяо Чжуан была недовольна своим сыном, однако была чрезвычайно предрасположена к своему внуку Сюанье. Вступление на престол Сюанье было также и ее идеей. Родная мать Сюанье принадлежала к национальности *хань*, девичья фамилия – Тун, во дворце она была императорской наложницей, но не пользовалась особым расположением. Потом она родила сына, который заболел оспой, и у него на лице появились мелкие оспины. Император Шуньчжи почитал своим присутствием только наложницу Дун Э, а о Сюанье даже и не спрашивал. Назначение Сюанье наследником престола было связано с немецким миссионером по имени Адам Шалль фон Белль. Он пользовался доверием императора Шуньчжи, а также был хорошо знаком со вдовствующей императрицей. Он говорил, что переболевшие черной оспой люди обретают абсолютный иммунитет, больше не могут заболеть этой болезнью и живут очень долго. Так Сюанье и был выбран наследником престола. Никто и не думал, что этот Сюанье с рябым лицом изменит мнение окружающих о маньчжурах и добавит династии Цин славы и чести.

Сюанье вступил на престол, храмовое имя – Цин Шэнцзу, девиз правления – Канси. Император Канси был на престоле 61 год, и это был самый долгий период правления императора в истории. Самым выдающимся в нем был его высокий уровень образования: в истории действительно не было императора, который мог бы сравниться с ним. Он вступил на престол в 8-летнем возрасте и еще не мог принять бразды правления, поэтому в основном учился. Он практически постоянно чему-нибудь обучался, это стало его неизменным занятием. В конце концов он был императором, и учителей у него было несметное количество. Помимо маньчжурского и монгольского языков, он также изучал китайскую письменность. У него также были специальные учителя, с которыми он прочел «Троесловие», «Фамилии ста семей», «Тысячесловие», а также «Четыре книги и пять канонов» и классические произведения литературы прошлых династий. Он изучал те же книги, что и другие люди, но император Канси был прилежным и добросовестным, поэтому и результаты отличались. Он говорил своему окружению: «Разве существует совершенный мудрец, который все знает от самого рождения? Все знания появляются только в процессе обучения». Для того, чтобы побольше выучить,

он просыпался очень рано и ждал своих учителей, а вечером ложился спать довольно поздно, задерживаясь иногда до второй ночной стражи. Раньше у императоров также были летние и зимние каникулы, во время холодов или зноя они не учились, но у императора Канси не было каникул, он занимался практически каждый день. Люди, прислуживавшие ему, уговаривали его не делать этого, и даже вдовствующая императрица говорила: «Ты же император, а учишься так усердно, словно тебе нужно будет сдавать государственные экзамены!». Император Канси смеялся и продолжал чтение. В дальнейшем он говорил окружающим: «Все, что я выучил в детстве, я никогда не забуду, а то, что выучил в зрелом возрасте, легко забывается. Очевидно, что обучение в раннем возрасте подобно солнечному свету, а обучение в зрелом возрасте свету от восковой свечи. Все-таки в молодости нужно учиться как можно больше».

Таким образом император Канси полностью освоил канонические книги и исторические науки. Но ему казалось, что чего-то не хватает, а именно – стихов. Некоторые говорили: «Канонические книги и исторические сочинения – это основа государственного управления, а стихи не так уж важны». Император Канси отвечал: «Это не так. У людей есть чувства, которые необходимо выражать, а стихи являются выражением этих чувств. Во время декламации стихов чувства взлетают ввысь. Следовательно, стихи – это также предмет воспитания, который не следует пропускать». Он учил стихи наизусть и вместе с тем учился писать стихи, а затем просил учителей внести поправки. Сам того не замечая, он писал хорошие стихи и даже часто выражал свою точку зрения в стихотворной форме. Однажды император Канси вышел за пределы дворца и увидел каменную статую, тогда он между прочим спросил одного Ханьлинского академика: «Как его зовут?». Академик ответил: «Чжун Вэн». Император Канси улыбнулся, но ничего не сказал. На следующее утро, когда все уже почти разошлись, он позвал евнуха, чтобы он передал записку тому академику. Академик глянул, а там был стих, который написал император: «Как можно прочесть имя Вэн Чжуна как «Чжун Вэн»? Наверное, в свое время было приложено усилий мало, а ныне Линьханьского академика следует понизить до правителя области Цзяннани помощника». Оказывается, император Канси знал, что статую звали Вэн Чжун, и он намеренно хотел проверить знания Ханьлинского академика. Академик сказал имя статуи наоборот, и император подшутил над ним, написав слова «Вэн Чжун», «мало усилий», «Ханьлинский академик» и «помощник правителя области» наоборот.

Император Канси неустанно изучал старые китайские культурные традиции, но когда он сталкивался с конкретными вещами, то чувствовал, что этого было недостаточно, и ему нужно было узнать больше. До того, как император принял бразды правления, чиновник по астрономии и календарю (из ведомства астрономической календарной системы) Ян Гуансянь представил такой доклад трону: Адам Шалль фон Белль из Германии и Фердинанд Вербист из Бельгии редактировали часть календаря, но составили его только на 200 лет, разве это не проклятие великой Цинской династии, чтоб она оказалась недолговечной? Их необходимо приговорить к наказанию. Выяснилось, что после прихода группы западных миссионеров с Маттео Риччи во главе во время династии Мин, в Китай приехало гораздо больше европейцев-миссионеров, они привезли с собой европейский научно-технический прогресс, а некоторые из них даже стали чиновниками при императорском дворе. Адам Шалль фон Белль разбирался в астрономии, поэтому стал руководителем ведомства астрономии и календаря. Во время правления императора Шуньчжи он вместе с Фердинандом Вербистом выработал новую календарную систему под названием «Шисяньли». Ян Гуансянь не был предрасположен к иностранцам, поэтому и подал жалобу. Окружающие говорили ему: «Календарная система Адама Шалль фон Белля чрезвычайно точная, зачем ставить ему палки в колеса?». Ян Гуансянь отвечал: «Почему это европейцы контролируют наши дела? Пусть уж лучше в Китае не будет хорошего календаря, чем в Китае будут европейцы!». Регент-министр Ао Бай с реальной властью в руках поддержал Ян Гуансяня и отдал приказ заключить Адама Шалль фон Белля и Фердинанда Вербиста в тюрьму, а Адама Шалль фон Белля еще и приговорил к смертной казни. Впоследствии

вдовствующая императрица Сяо Чжуан приказала отпустить узников, однако Адам Шалль фон Белль вскоре скончался. Ян Гуансянь стал руководителем ведомства астрономии и календаря, хотя он изначально был профаном, ничего не смыслил в астрономии и поэтому часто ошибался.

К тому времени, когда император Канси принял бразды правления, Ян Гуансянь подал свою летопись. Фердинанд Вербист прочел ее и сказал: «В твоей летописи немало ошибок, и добавочный месяц високосного года ты также перепутал». Ян Гуансянь сердито сказал: «Как бы там ни было, этот календарь – наш, китайский! И он уж будет получше твоего!». И они разругались. Император Канси не мог сказать, кто из них был прав, поэтому сказал: «Вы вдвоем измерьте все тут же на месте и тогда посмотрим, чьи измерения будут точнее». Был выбран день, и они пришли измерять проекцию тени от солнца. Ян Гуансянь приказал помощнику сделать измерения, Фердинанд Вербист также все измерил. В результате измерения Фердинанда Вербиста были чрезвычайно точными, а измерения Ян Гуансяня были далекими от истины. Затем они измеряли периоды сезонов года, и результаты были такими же. Ян Гуансянь устроил скандал, не зная, как выйти из создавшегося положения. Император Канси немедленно снял его с должности и назначил Фердинанда Вербиста руководителем ведомства астрономии и календаря.

В дальнейшем после некоторых раздумий император Канси сказал: «Астрономический календарь существовал еще с давних времен, но среди министров нашей династии нет никого, кто бы в этом действительно разбирался. Я и сам не знаю, как отличить истину ото лжи. По-видимому, остается только хорошенько взяться за изучение этого вопроса». С тех пор император Канси твердо решил обрести новые европейские знания и назначил Фердинанда Вербиста своим учителем. Фердинанд Вербист преподавал императору европейскую календарную систему и математику. Простым китайцам эти знания были недоступны, раньше в этом разбирался только Сюй Гуанци времен династии Мин. Фердинанд Вербист не только проводил занятия, но и разработал множество астрономических инструментов, среди которых был теодолит, небесный глобус и так далее, чтобы император Канси мог учиться и наблюдать. В дальнейшем Фердинанд Вербист умер в Китае, и император Канси позвал французов Жана Франсуа Жербийона и Йоахима Буве, португальца Томаса Перейра, а также итальянцев Доминго Фернандеса Наваррете и Теодорико Педрини в качестве преподавателей. Он получил еще больше знаний, среди предметов была западная медицина, лекарства европейской медицины, анатомия человека, химия, география, картографирование и так далее. Император интересовался даже философией, музыкой и латинским письменным языком. В то время днем он много учился, а вечером еще и занимался самостоятельно. Однажды, когда он услышал, что Жан Франсуа Жербийон и другие учителя нарисовали строение человеческого тела, он приказал срочно принести ему рисунок, чтобы сопоставить все названия с наименованиями на китайском языке. Это необычайно воодушевило его.

Среди всех западных наук императору Канси нравилась математика. Только лишь «Начала» Эвклида он прочел не менее двадцати раз. Он также изучал алгебру, тригонометрию, логарифмы и так далее. Западная математика сочетала расчеты и измерения на месте, императору Канси это нравилось, и он часто измерял декоративные горки и беседки в Императорском саду Юйхуаюане. Когда он уезжал воевать или производить инспекторский осмотр, он возил с собой измерительные приборы и в свободное время измерял рельеф местности, меридианы, а также рассчитывал высоту, площадь и объем.

Однажды во время инспекционной поездки на юг *дасюэши* Ли Гуанди преподнес императору книгу по математике, это был труд известного в то время математика Мэй Вэньдина. Всю ночь напролет император Канси читал эту книгу, а затем сказал Ли Гуанди: «Книга написана очень детально, рассуждения справедливы, у почтенного учителя весьма глубокие знания! Я заберу эту книгу с собой, чтобы хорошенько с ней ознакомиться!». Затем он снова прочел

книгу и написал много критических замечаний, которые велел Ли Гуанди передать Мэй Вэньдину. Ли Гуанди спросил: «Вы считаете, в книге есть недостатки?». Император Канси ответил: «Нет недостатков, просто книга неполная». Во время следующей инспекционной поездки на юг он пожелал встретиться с Мэй Вэньдином. Мэй Вэньдину было более 70 лет, они встретились и на лодке разговорились о математике, не стоит и говорить, какой жаркой была дискуссия! Через три дня Мэй Вэньдин распрощался с императором и вернулся домой. Император Канси сказал Мэй Вэньдину: «Жаль, что этот старик такого преклонного возраста, иначе я оставил бы его при себе, чтобы в любое время консультироваться с ним. Такие образованные люди встречаются нечасто». Услышав, что внук Мэй Вэньдина Мэй Цзюэчэн также глубоко изучает астрономию и математику, он радостно сказал: «Тогда пусть Мэй Цзюэчэн приедет в Пекин!».

Куда бы император Канси ни отправлялся, он всегда носил с собой измерительные приборы и измерял рельеф местности в любое свободное время

Когда Мэй Цзюэчэн прибыл в Пекин, его отправили учиться в Мэнъянчжай (место, специализирующееся на изучении научных трудов). Однажды император Канси позвал его во дворец и сказал ему: «Жан Франсуа Жербийон преподает мне алгебру, у них есть «формула заимствования корня», которую они называют «восточным методом», возможно, они переняли этот

метод у нас! Почитай древние книги и пораздумай над этим!». После изучения и исследования материалов Мэй Цзюэчэн выяснил, что «восточный метод» действительно был древним китайским «способом алгебраических вычислений». Это был метод решения уравнений высших порядков, который распространился на Запад, однако в Китае о нем забыли. После напоминания императора Канси способ алгебраических вычислений опять вернулся.

Получив много знаний, император Канси задумался о том, чтобы написать книги и оставить наследие потомкам. Он заказал и отредактировал более ста видов книг, в том числе «Полное собрание книг древности и современности», «Словарь Канси», крупнейший китайский фонетический словарь XVIII века «Пэйвэнь юньфу», «Полное собрание поэзии времен династии Тан», «Происхождение музыкальных ладов и календаря» и так далее. В прошлом императоры не придавали значения книгам по астрономии, математике и географии. Книга «Происхождение музыкальных ладов и календаря» включает в себя «Наблюдение и вычисление движения небесных тел», «Истинное значение ступеней китайского хроматического звукоряда» и «Глубокий смысл принципов математики». В ней рассказывается о китайской и западной астрономии, мелодике и математике. Император Канси был главным составителем, и он позвал в помощники таких известных ученых как Мэй Цзюэчэн, Чэнь Хоуяо, Хэ Гоцзун и Мин Аньту (монгол). После окончания работы он сказал Мэй Цзюэчэну: «Отправь своему дедушке книгу “Истинное значение ступеней китайского хроматического звукоряда”, пусть он укажет на ошибки или промахи. В древности в разговорах с императором и ванами можно было согласиться с ними или же похвалить их, а можно было возразить и не согласиться. В дальнейшем все свелось только к похвалам и согласию. И даже друзья уже не любили слушать убеждения друг друга, каждый думал только о личных делах! А вы так не делайте. Если выслушивать возражения, то наука будет продвигаться вперед. Передай своему дедушке мою точку зрения».

Император Канси был так увлечен науками, что не придавал значения стратегии «привлечение зарубежного» для укрепления своей страны. Со времени эпохи Возрождения у европейской науки и техники словно выросли крылья: они летали очень быстро, отбросив Китай назад. В императорском доме и за его пределами многие люди не понимали опасности такого положения дел, их волновала только власть и собственная выгода, поэтому время от времени разражались скандалы. Императору Канси оставалось только прилагать все усилия, чтобы прежде всего установить мир в Поднебесной.

Восстание трех вассалов

Четыре министра, назначенные императором Шуньчжи в качестве регентов при его жизни, были известны тем, что были противниками Доргоня. Император Шуньчжи считал, что при таких условиях они во что бы то ни стало будут верны императору. Кто же мог предположить, что проблема возникнет именно в министрах-регентах. Один из четырех регентов Хэшэри Сони вскоре умер. Эбилунь и Суксаха практически не занимались делами, и только Ао Бай был самым выдающимся. У него были боевые заслуги и ранения, разговоры и дела он вел с уверенностью мужеством. Когда он стал регентом, то у него прибавилось еще больше энтузиазма, ему нравилось иметь решающее слово, он совершенно не считался с маленьким императором, у него был тот же порок, что и когда-то у Доргоня. Однако Доргонь умел приспособливаться к ситуации и менять старые привычки и обычаи, но Ао Бай думал только об устаревших методах территории застенного Китая.

Ао Бай был предводителем армии «Желтого знамени с каймой», после входа во Внутренний Китай армия «Желтого знамени с каймой» окружила территорию в зоне Баодина и Чжочжоу. Суксаха руководил армией «Истинно белого знамени» и взял во владение территорию в зоне Цзисяня и Цзуньхуа. Но Ао Бай был недоволен, что его земля была неплодородной, поэтому во что бы то ни стало хотел захватить владения Суксаха. Он приказал армии «Истинно белого знамени» заново определить границы. С тех пор начался полный хаос, таким образом дурной обычай огораживания территорий возобновился, народ дрожал от страха во время всех этих событий и боялся потерять свое имущество. Маньчжуры, которые вошли во Внутренний Китай, также протестовали, они говорили: «Мы прожили здесь более 20 лет, а теперь опять надо обмениваться земельными участками. Кому это нужно?!». Суксаха решительно отказался от обмена и разругался с Ао Баем. Министр налогов Су Нахай, наместник Чжили Чжу Чанцзо и генерал-губернатор Баодина Ван Дэнлянь считали, что происходило неладное, поэтому подали докладную записку: «Народ уже давно спокойно трудится, кроме того, император уже издал указ, запрещающий огораживание земель, как же можно нарушить слово? Просим отменить приказ об огораживании и обмене земельными участками». Прочитав доклад, Ао Бай вытаращил глаза и сказал: «Это приказ императора, кто осмеливается ослушаться, тот пренебрегает императором! Смерти ищите?!». И он приказал убить этих трех высоких чиновников. Тогда же у него появились мысли и об убийстве Суксаха.

Через год императору Канси исполнилось 14 лет, и он принял в свои руки всю полноту власти. Ао Бай не придавал этому большого значения, во время обсуждения дел он все так же единолично принимал решения и не заботился о мнении императора. Суксаха больше не хотел действовать с ним сообща и сказал: «Император принял бразды правления, и мне пора выйти в отставку. Позвольте мне охранять усыпальницу умершего императора!». Ао Бай сказал: «В твоих словах звучит обида, ты не хочешь, чтобы император взял власть в свои руки! Ты должен быть приговорен к смертной казни!». И он предъявил Суксахе 24 факта преступления, желая его смерти. Император Канси сказал: «Я знаю, что между вами есть старые счеты, но он не заслуживает смертной казни». Ао Бай закричал: «Он должен умереть!». Несколько дней подряд Ао Бай отправлялся во дворец на аудиенцию у императора, чтобы похлопотать об этом деле. Засучив рукава, он неистово кричал, словно собирался броситься в драку. Увидев, что император Канси остается безмолвным, он сам издал указ убить всю семью Суксахи. От жгучей обиды император Канси почти расплакался. Он знал, что в руках Ао Бая был контроль над армией и множество доверенных лиц, сам же он только принял бразды правления и еще не мог идти напролом.

Как же избавиться от Ао Бая? Он встретился с бабушкой и шепотом спросил: «Ао Бай бесчинствует, как же мне исполнять свои обязанности императора?». Вдовствующая импера-

трица Сяо Чжуан тоже считала, что если так будет продолжаться, то императорская власть внука будет в опасности, и сказала: «Я согласна с тем, что Ао Бая нужно убрать, но нужно хорошенько обдумать, как это сделать». Император Канси ответил: «Не переживайте, у меня есть идея. Его нужно убрать внезапно, нельзя это разглашать». Он рассказал о своей идее, и вдовствующая императрица Сяо Чжуан одобрила ее. Тогда император Канси позвал дядю императрицы Сонготу, чтобы посоветоваться с ним. Сонготу был третьим сыном Хэшэри Сони, в то время он был императорским телохранителем первого ранга. Услышав о том, что нужно убрать Ао Бая, у него сразу созрел план. Он взял около десяти мелких телохранителей, чтобы они каждый день обучали императора борьбе. 15-16-летние подростки прежде только и печалились, что у них была энергия, но не было куда ее применить. Теперь они носились, словно молодые жеребцы, и опрокидывали друг друга на землю. Императору Канси было радостно за этим наблюдать, иногда он тоже участвовал в этой дружеской борьбе. Когда Ао Бай входил во дворец и видел, что император оживленно играет, он думал: «Какой же он еще ребенок! Что он мне сделает?».

Освоившись с маленькими бойцами, император Канси спросил у них: «Вы слушаетесь меня или Ао Бая? Бойтесь меня или Ао Бая?». Молодые бойцы в один голос отвечали: «Боимся Вас и слушаемся Вас!». И тогда император Канси рассказал им о плане захвата Ао Бая: «Когда придет время, действуйте по моему взгляду!». Однажды в начале лета 1669 года Ао Бай получил высочайший указ, чтобы он пришел во дворец для обсуждения дела. Он вошел в южный кабинет и увидел императора, который сидел ровно. Он только собирался сделать полный поклон, как вдруг с двух сторон выпрыгнули малые бойцы и схватили его за руки и ноги, повалив его на землю в несколько ударов. Он знал, что ему пришел конец, а потому изо всех сил закричал: «Император не может убить меня! Я не щадил самого себя ради династии Цин, мое тело покрыто ранами!». Император Канси приказал министрам рассматривать его поступки как преступления, ему был предоставлен список из 30 обвинений, и было решено, что он был достоин смерти. Император Канси сказал: «Помня о его былых заслугах, мы освободим его от смертной казни. Он будет разжалован и брошен в темницу!». В отношении доверенных лиц Ао Бая также были приняты меры. Таким образом, под видом развлечений император Канси свел счеты с Ао Баем и теперь уже по-настоящему захватил власть.

Обсуждая государственные дела с придворными чинами, император Канси узнал, что территория страны под руководством Великой Цин все еще не укрепилась. Хотя оставшиеся силы династии Мин были подавлены, но движение против династии Цин в разных местностях не прекращалось. Кроме того, главари ханьских войск, которые поступили на службу к маньчжурам, также были себе на уме и хранили в душе коварство. Среди военачальников ханьских войск самым большим влиянием пользовались У Саньгуй, Шан Кэси и Гэн Чжунмин, все они были удельными князьями. С тех пор как эти ваны капитулировали после падения династии Мин и захватили власть для династии Цин, они проявляли необычайное рвение. Что уж там говорить об У Саньгуйе! Именно он впустил цинскую армию во Внутренний Китай, и именно он удушил Гуй-вана Южной Мин (императора Юнли). У него было множество заслуг, ему был присужден титул *пинси-вана* (князя, умиротворяющего запад), и пост наместника Юньнани. Шан Кэси был *пиннань-ваном* (князем, умиротворяющим юг), он прошел с боями до юга и охранял провинцию Гуандун. Гэн Чжунмину был присвоен титул *цзин-наньвана*, однако он рано умер, и его титул получили сын Гэн Цзимао и внук Гэн Цзинчжун, которые защищали границы в провинции Фуцзянь.

Императорский двор был обеспокоен тем, что важные районы на юге охраняли удельные ваны национальности *хань*, более того, три вассала стали местными деспотами и причинили много неприятностей. Считалось, что среди трех вассалов у У Саньгуя было самое большое влияние, в его подчинении было около ста тысяч воинов, он был единоличным хозяином в районе Гуйчжоу в провинции Юньнань. Тайный агент императорского двора непрерывно докла-

дывал в Пекин о деятельности У Саньгуйя, рассказывая, что тот установил внутреннюю таможенную пошлину, ввел собственную валюту, завладел частными землями, а также занимался ростовщичеством. У Саньгуй повсеместно привлекал на службу чиновников и искал доверенных лиц, и не только провинциальные чиновники провинции Юньнань были его людьми, но и командование провинций Сычуань и Шэньси также прислушивалось к нему. Это было не к добру. Военные силы Шана Кэси и Гэна Цзинчжун насчитывали несколько десятков тысяч человек, они установили частные налоги и обирали простой народ, действуя нагло и бесчинствуя. Если три вассала поднимутся и начнут бороться против императорского двора, это станет большой бедой! Проверив все, император Канси обнаружил, что эти три вассала не только не платят государству пошлину, но еще и требуют от императорского двора ежегодное жалование в размере двадцати миллионов лян. Он до смерти испугался: три вассала уже стали большой проблемой! Размышляя об этом, он даже не мог уснуть, тогда он написал эту проблему на бумажке и приклеил ее к колонне. Каждый раз, взглядывая на записку, он раздумывал: «Что же делать с тремя вассалами? По-видимому, их придется устранить».

Как раз в это время Шан Кэси подал императору докладную записку, в которой он говорил о приближающейся старости, просил разрешения выйти на пенсию и вернуться в родной Ляонин, а также ходатайствовал о том, чтобы его сын Шан Чжисинь унаследовал его титул. Император Канси ухватился за эту возможность и быстро одобрил его отставку, однако не разрешил его сыну унаследовать титул. Это был удар ниже пояса, не говоря уже о том, что Шан Чжисинь разгневался, но даже У Саньгуй и Гэн Цзинчжун рассердились, когда обо всем узнали. Сын У Саньгуйя по имени У Инсюн был зятем императора (мужем принцессы) в Пекине, и ему уже доходили вести о том, что император намерен устранить вассалов. А теперь слухи начали подтверждаться, поэтому У Саньгуй задумался: «На моем счету столько победоносных битв, я совершил столько подвигов, а теперь даже удельным князем не смогу быть?». Он тайком усилил обучение войск, а сам написал докладную записку с просьбой снять его с должности вассала. Окружение говорило: «Император хочет расправиться с Вами! Зачем же Вы бросаетесь на амбразуру?». У Саньгуй сказал: «Это называется разведывать ложь и истину! Император еще молод, он не осмелится тронуть меня, учитывая мою военную мощь. Я не Шан Чжисинь!». Услышав это, Гэн Цзинчжун также подал докладную записку с просьбой снять его с должности вассала.

Прочитав докладные записки, император Канси позвал министров на совещание. Министр обороны Мин Чжу сказал: «Если не снять с должности вассалов, то мира в стране не будет! Они сами подали в отставку, почему же их не устранить?». Дасюэши Сонготу и еще несколько министров возражали: «У пинсивана много людей и мощи, если снять его с должности, то он создаст много проблем. Лучше уж сохранить стабильность, а там посмотрим». Каждый говорил о своем, император Канси слушал дискуссию, затем нахмурился и хлопнул рукой: «По-моему, если их снять с должности – они будут против, если оставить – тоже будут против. Все это рано или поздно произойдет, так что лучше уж всех убрать!». Таким образом вскоре был дан приказ о снятии трех вассалов с должностей. Три вассала должны были вернуться в Ляодун, а чиновники были направлены в провинции Юньнань, Гуандун и Фуцзянь для контроля и надзора.

У Саньгуй не ожидал такого поворота дел, по-видимому, этого молодого императора голыми руками не возьмешь. Но на этом этапе он не хотел признавать свое поражение, и тогда он решил поднять войска, чтобы еще раз взбунтоваться.

Выбрав день, в сопровождении своего окружения он приехал к могильной насыпи Гуйвана Южной Мин, опустился на колени и расплакался. Прислуга остолбенела: разве ты, У Саньгуй, не удушил Гуйвана собственными руками? Отчего же ты сегодня плачешь? Воины не сдержались и тоже заплакали. У Саньгуй полагал, что их с ним сердца бились в унисон. Он долгое время обвинял династию Цин в злодеяниях и провозгласил о своем намерении вос-

становить династию Мин и пойти войной на Цин, чтобы вернуть китайцам их страну. Этот ход оказался очень действенным, не только Шан Чжисинь и Гэн Цзинчжун быстро откликнулись, но даже командующие ханскими войсками нескольких провинций на севере и юге также пожелали присоединиться. Отец Шан Чжисиня Шан Кэси был против и вскоре умер от гнева. У Саньгуй был вне себя от радости, сам назначил себя «Верховным главнокомандующим войск Поднебесной» и выступил в поход. Хотя ему уже было более шестидесяти лет, он все же был военным ветераном: под его командованием войско быстро пробилось к Хунани, захватив множество стратегически важных населенных пунктов. Гэн Цзинчжун также послал войска в поход в Цзянси и Чжэцзян, а также связался с сыном Чжэн Чэнгуна Чжэн Цзином, который находился в то время на Тайвани. Чжэн Цзин хотел восстановить династию Мин, поэтому немедленно отрядил войска, которые высадились в провинции Фуцзянь, чтобы поддержать военачальника Гэна. Антицинские силы каждой провинции атаковали по отдельности, и удар был действительно немалым. Война продолжалась больше года, династия Цин практически проиграла район к югу от реки Янцзы.

У Саньгуй пришел к могиле Гуй-вана, опустил на колени и расплакался

Когда новости достигли Пекина, императорский двор немедленно погрузился в хаос. Император Канси был в нерешительности и решил прислушаться к министрам. Сонготу изменился в лице и сказал: «Это все из-за того, что вассалов устранили с должностей, это оскорбило У Саньгуйя. Мин Чжу следует обезглавить и извиниться перед вассалами». Чиновники, которые были сторонниками мира, согласились с этим. Император Канси все понял, он взмахнул рукой

и сказал: «Устранение вассалов с должностей было моей идеей, нечего их укорять. Сейчас нет другого выхода, кроме как усмирение бунта. Когда я был юным, У Саньгуй притеснял меня, теперь настало время расправиться с ним!». Совецание закончилось, и он принял несколько решений. Во-первых, приговорить к смертной казни сына и внука У Саньгуя, которые находились в Пекине, чтобы нанести удар старику в самое сердце; во-вторых, обнародовать прошлое У Саньгуя и рассказать о том, что он был изменчивым, неверным, непочтительным, несправедливым и беспринципным бунтовщиком во многих поколениях, если следовать за ним – добра не будет; в-третьих, отменить приказ о снятии Гэн Цзинчжуня с должности вассала и велеть ему опять занять пост цзин-наньвана, пообещать ему, что Шан Чжисинь унаследует титул пиннань-вана, а если только другие мятежные полководцы вернутся, то они преследоваться не будут; в-четвертых, собрать армию во всех направлениях, решительно расправиться с врагами и не уступать ни на йоту. Это означало, что организаторы бунта будут строго наказаны, а соучастники под угрозой будут помилованы – кого можно было перетянуть на свою сторону, того надо было перетянуть. Император Канси немедленно отправил войско в нескольких направлениях на юг, чтобы противостоять ударам мятежных войск в разных местностях.

Этот план был безжалостным и эффективным: сначала распался оплот мятежных войск. Многие мятежники изначально держали нос по ветру, а теперь, увидев, что императорский двор действует решительно, они заговорили по-иному, заявив о своей преданности Великой Цин. И в конце даже Гэн Цзинчжун и Шан Чжисинь капитулировали, они оба считали, что лучше уж быть князьями, чем разбойниками. Народ в разных местностях знал об ужасных моральных качествах У Саньгуя, поэтому мало кто поддержал его. Таким образом У Саньгуй оказался в изоляции: его потомки в Пекине были убиты, что причиняло ему огромную боль. Он узнал, что многие его союзники бежали, и его высокомерие сразу уменьшилось наполовину. Если продолжать битву, то, скорее всего, его владения будут только уменьшаться. Он понял, что в этот раз в крупной игре он потерпел поражение. Вздыхая, он сказал своему окружению: «Никак не ожидал, что несмотря на юный возраст, император преисполнен решимости. Эх, моя жизнь кончена!». Окружение ответило ему: «Не падайте духом! Воспользовавшись тем, что Восьмизнаменная армия еще на севере, мы можем переправиться через Янцзы и разгромить Великую Цин». Со слезами на глазах У Саньгуй ответил: «Мне больше шестидесяти лет, нет у меня уже тех жизненных сил! То, что я сумел захватить половину страны, уже неплохо!». В таком скверном настроении его поразила болезнь.

В это время У Саньгуй решил осуществить свое желание – стать императором. Он провозгласил себя императором в Хэньяне и назвал свое государство Чжоу, о восстановлении династии Мин он больше не упоминал. Однако не прошло и несколько месяцев, как этот «троекратный предатель», который взбунтовался против династий Мин, Шунь и Цин, умер от болезни. Его внук У Шифань вступил на престол, и, осознавая, что он не сможет остаться в Хунани, опять вернулся в Юньнань.

Последующие военные действия нет нужды детально разьяснять, с перерывами война велась восемь лет. Армия военачальника У терпела поражение, и многие воины убежали. В 1681 году цинская армия продолжила непрерывное преследование и окружила Куньмин. У Шифань покончил с собой, а мятежные войска капитулировали. Император Канси больше не доверял Шан Чжисинь и Гэн Цзинчжуню, поэтому выискивал у них промахи и убил их. Так и закончилось Восстание трех вассалов. Министры были счастливы, они говорили, что во время войны проявилось умелое, талантливое и великое руководство императора, и ему следует присвоить почетный титул. Но император Канси не согласился и сказал: «Сейчас мое решение о снятии вассалов с должностей кажется слишком поспешным, оно привело к бунту. Хорошо, что мы победили, но если бы битва продолжилась, то неизвестно, как бы все закончилось. Эта война задействовала массу народа, воины и народные массы обессилены. Поэтому вы преувеличиваете!».

Император Канси вспомнил, что во время Восстания трех вассалов Чжэн Цзин также отрядил войска с Тайваня, чтобы поддержать Гэн Цзинчжуна – в этом следовало разобраться. И он тщательно разузнал о ситуации на Тайване. Эти расспросы привели к значимым и большим событиям.

Возвращение Тайваня

В том году, когда императорский двор Южной Мин был уничтожен, Чжэн Чэнгун, который противостоял династии Цин в Сямэне в провинции Фуцзянь и имел прямую генеалогическую линию с династией Южной Мин, неустанно давал отпор цинской армии. Чжэн Чэнгуна изначально звали Чжэн Фусун, а еще его также называли Чжэн Сэнь. Позже князь Тан Южной Мин удостоил его имени Чжу Чэнгун, а князь Гуй пожаловал ему имя Янь Пинван. Но всем нравилось называть его Чжэн Чэнгуном, а слуги называли его «Коксинга»³. Династия Цин хотела подавить бунтарские силы и поэтому ввела запрет морской торговли, запрещая народу выходить в море и заниматься торговлей. Провиант и денежное довольствие армии Чжэн Чэнгуна повисло в воздухе, и было очевидно, что долго ему на побережье не продержаться. Тогда Чжэн Чэнгун решил отправиться на Тайвань, который находился на противоположном берегу Тайваньского пролива, чтобы превратить это место в основной центр отпора династии Цин и восстановления династии Мин.

Чжэн Чэнгун и его семья чувствовали себя на Тайване, как в своей тарелке. В те годы его отец Чжэн Чжилун часто бывал на острове, занимаясь торговлей. Хотя в тот период династии Мин на Тайване были местные органы власти, но туда не были отряжены войска. Среди жителей острова, помимо местной народности (общее название которых – народность гаошань), был простой народ, который переселился на Тайвань с континентального Китая. Таким образом у иностранцев, которые приезжали сюда непрерывным потоком, появилось много благоприятных возможностей. Сначала на берег высадились испанские пираты и заняли часть территорий в Цзилуне (северной части Тайваня). Затем прибыли голландцы, они выгнали испанцев при помощи оружия и захватили морской порт Луэрмэнь. В Тайнани они построили два форта: один назывался Зеландия (Тайваньчэн), а второй – Провинция (Чикань), они располагались друг напротив друга. Затем они с гордым видом начали заниматься делами Тайваня и требовали, чтобы местное население работало на них, будто бы Тайвань был их собственной страной. Это было невыносимо для жителей Тайваня, и все они с нетерпением ждали вестников с континентального Китая, которые бы прогнали прочь иностранцев. Услышав об этом, Чжэн Чэнгун разорвал все торговые связи с голландцами.

Голландцы чрезвычайно беспокоились из-за нехватки еды на острове. Они послали к Чжэн Чэнгуну переводчика Хэ Биня с просьбой снять ограничения на торговлю. Они никак не ожидали, что душа переводчика находилась в другом месте, он уже давно хотел прогнать иностранцев прочь. Он работал у голландцев переводчиком, и между тем рисовал топографическую карту, чтобы пометить на ней расположение воинских частей голландцев. Прибыв в этот раз в Сямэнь, Хэ Бинь пришел к Чжэн Чэнгуну с картой. Он сказал ему: «Население Тайваня страдает от этих рыжих варваров уже на протяжении 30 лет, спасите нас!». И с этими словами он преподнес Чжэн Чэнгуну карту. Как же Чжэн Чэнгуну не обрадоваться? Он сказал: «Это ваша большая заслуга. Я уже давно раздумываю над этим делом, мы все хорошенько спланируем, не надо ничего разглашать, чтобы они не приняли меры предосторожности».

Военный флот Чжэн Чэнгуна был прекрасным, все они были знатоками морского боя. Он выбрал 25 тысяч солдат и приготовил 200 военных кораблей. В начале весны 1661 года многочисленная армия отправилась из Цзиньмэня из залива Ляоло и взяла курс прямо на восток. Вскоре флотилия кораблей достигла архипелага Пэнху, а впереди уже был Тайвань. Все только начали радоваться, как на море поднялся шторм, и закапали крупные дождевые капли. Эта буря свирепствовала немало дней, а солнце все не появлялось. Это чрезвычайно беспокоило Чжэн Чэнгуна. Если произойдет сильная задержка, то начнут распространяться слухи, и тогда

³ Коксинга – (дословно) Господин с императорской фамилией.

будет сложно выйти на берег. Он отдал приказ подготовиться к отплытию. Многие адмиралы говорили: «Шторм слишком сильный, если что-то пойдет не так, то будет беда! Пусть сначала прояснится, а затем мы отправимся в путь!». Чжэн Чэнгун покачал головой: «Нет. Возврат Тайваня – это рискованное дело, действовать нужно быстро, все должно произойти внезапно! Скажите всем строго подчиняться приказам, каждый корабль должен заботиться о безопасности со всех сторон. В полночь отправимся в путь!». По воле Всевышнего флотилия кораблей отплыла в первой страже ночи, они продвигались вперед впотымах, а после третьей ночной стражи погода прояснилась, и дождь прекратился. Воины не могли удержаться от танцев и смеха: «Это хороший знак! Коксинга обладает таким острым умом!».

На рассвете корабли прибыли в залив Луэрмэнь. В заливе везде были подводные камни, к счастью, Хэ Бинь указал путь, поэтому они быстро пересекли залив и пристали к берегу. Армия Чжэн Чэнгуна молниеносно высадилась на берег. Народ, который жил в окрестностях, услышал об этом и вышел их встречать. А голландцы все еще спали глубоким сном. Когда рассвело, и они обнаружили, что что-то было не в порядке, армия Чжэн Чэнгуна уже окружила две крепости. В целом голландцев было немного, а в армии Чжэн Чэнгуна было более четырех тысяч человек, и вскоре результат битвы стал очевидным. Армия Чжэн Чэнгуна одержала крупную победу, а голландская армия потерпела поражение, им оставалось только вернуться в крепости и отстаивать до конца. На море два военных корабля также начали бой. В армии Чжэн Чэнгуна были маленькие клиперы, которые могли наступать и отступать. Три больших голландских корабля были окружены этими маленькими суднами – один к нескольким десяткам, поэтому в исходе дела не было сомнений. Один корабль затонул, второй – обратился в бегство, а третий вернулся к крепости. Главарем голландцев был Фредерик Койэтт, на его глазах разбитые войска были окружены, и он направил людей к Чжэн Чэнгуну, желая дать Чжэн Чэнгуну сто тысяч лянов серебра, если только он уведет свое войско. Чжэн Чэнгун строго заявил: «Тайвань принадлежит Китаю, это родина наших предков, вам остается только покинуть Тайвань, другого пути нет». Фредерик Койэтт растянул время еще на несколько месяцев, но Чжэн Чэнгун не торопился, продолжая держать голландцев в осаде. Через какое-то время Фредерик Койэтт увидел, что провизии не осталось, и выхода не было, поэтому он объявил о капитуляции. Чжэн Чэнгун был великодушен, позволив голландцам забрать свое имущество, сесть на свои корабли и покинуть Тайвань.

С тех пор Тайвань вновь вернулся во владение китайцев. Эта заслуга принадлежит Чжэн Чэнгуну и его армии, они – великие герои. Не говоря уж о том, как радовался народ, императорский двор также считал это большим успехом, император Канси сказал: «Чжэн Чэнгун – не мятежник правящей династии, он – верный слуга прошлой династии». В память об этом он написал стих. Чжэн Чэнгун умер через год после возвращения Тайваня, его сын Чжэн Цзин вступил на престол, он по-прежнему считал династию Мин законной и не считался с династией Цин. Во время Восстания трех вассалов Чжэн Цзин посылал людей в поддержку Гэн Цзинчжуну. Это сильно разгневало императора Канси. Он не мог смириться с тем, что армия Чжэна оккупировала Тайвань и по любому поводу затевает ссоры с правящей династией, поэтому решил немедленно объединить Китай и Тайвань. Чжэн Цзин не желал капитулировать, поэтому оставалось лишь прибегнуть к оружию.

Чжэн Чэнгун строго заявил: «Тайвань принадлежит Китаю»

Кого послать командовать войсками для захвата Тайваня? Император Канси выбрал опытного военачальника Ши Лана. Ши Лан был родом из Цзиньцзяна (Цзиньцзян находится на юге городского округа Цюаньчжоу в провинции Фуцзянь), он вырос у моря. Раньше он тоже был человеком Чжэн Чжилуна и Чжэн Чэнгуна, но затем он с Чжэн Чжилуном подчинился династии Цин, и Чжэн Чэнгун рассердился и убил всю его семью. Осознавая, что он знает толк

в морских боях и умеет командовать войсками, цинская армия повысила его до командующего военным флотом. Император Канси хотел вернуть Тайвань обратно и считал, что Ши Лан в качестве предводителя справится с этим. Но некоторые министры были обеспокоены, они сказали: «Раньше Ши Лан был заодно с семьей Чжэн, кто знает, что у него теперь на уме? Если отправить его на войну за Тайвань, вероятно, он уже не вернется». Император Канси сказал: «Я наблюдал за Ши Ланом уже много лет, он точно не предаст, кроме того, в морских боях он проявляет себя лучше всех». И он отправил Ши Лана в Фуцзянь тренировать военный флот.

Когда Чжэн Чэнгун в свое время отправился на Тайвань, он не проронил ни звука, он скрытно двинул войско в поход, смертельно боясь спугнуть голландцев. В этот раз Ши Лан открыто строил корабли и обучал войска, заявляя, что он желает объединить страну. К тому времени Чжэн Цзин уже умер, а его подчиненные сражались и подтолкнули его второго сына Чжэн Кэшуана к тому, чтобы он стал Яньпин-ваном. Чжэн Кэшуану было всего лишь 12 лет, ему было не под силу объединить людей. Когда распространились новости о том, что Ши Лан тренирует военный флот, на Тайване началась паника, и все думали по-разному. Ши Лан натренировал свой флот, затем доложил об этом императору и получил приказ отправляться в путь. Летом 1683 года 20-тысячная цинская армия вышла в море и вскоре успешно достигла архипелага Пэнху.

Предводителя армии Чжэна, который охранял архипелаг Чэнху, звали Лю Госюань. Он не только держал в руках контроль над армией, но и являлся ветераном морских битв. В его распоряжении также было двадцать тысяч человек. Он думал, что вскоре начнется тайфун, поэтому решил принять строгие меры предосторожности: на передовой он соорудил низкую ограду, выставив прямой линией более двухсот военных кораблей. На борту каждого корабля была голландская пушка, больше двадцати огнестрельных орудий, а также около ста-двухсот самопалов. Лю Госюань полагал, что он будет способен задержать цинскую армию. У Ши Лана также имелось более двухсот военных кораблей, которые были оснащены разнообразными орудиями. Он разделил эти корабли на четыре отряда: левый, средний, правый и задний, а сам принял личное командование в центре, постепенно продвигаясь вперед. Столкнувшись, обе стороны открыли огонь. Пушки были основными силами, и эти бои не были похожи на сражения в древности – было чрезвычайно шумно! От выстрелов, хлопков и шума можно было оглохнуть! Пламя озаряло половину неба, а вторую половину неба устилал дым.

В первый день сражения армия Чжэна взяла верх. Ши Лан получил тяжелое ранение, в то время он командовал с верхнего этажа корабля, первая пуля пролетела мимо него, чуть не задев его. Вторая пуля попала ему прямо в глаз, от дикой боли он упал на палубу и пролил много крови. Однако он немедленно поднялся на ноги и сказал подчиненным: «Я в порядке! Не падайте духом!». Ему наложили повязки, и он продолжил командование. Однако некоторые низшие командующие увидели, что главнокомандующий получил травму, а противник был так свиреп, потому они не решались продвигаться вперед и стали непрерывно отступать. Армия Чжэна окружила их, но, к счастью, командующие Лань Ли и Ю Гуаньгуан воевали, не щадя жизни, поэтому смогли защитить флотилию кораблей от хаоса.

Ши Лан сильно разгневался и хотел разругать пополам тех трусливых офицеров и генералов. Увидев, что все упали на колени, прося пощады, он передумал. Он наградил Лань Ли и Ю Гуаньгуана и сказал: «Если каждый будет бояться за себя, то как же продолжать этот бой? Нам нужно объединить все усилия, только тогда будет толк». Он изменил свою военную тактику и на следующий день опять отправился на разведку во вражеский табор. Когда обе стороны снова вступили в бой, битва была все такой же ожесточенной, но цинская армия теперь проявила уверенность и дерзость, их сила и энергия подавили противника. Командующие стояли впереди, они не отступали даже в случае ранений, а некоторые из них погибали на месте. Битва продолжалась с утра и до полудня, в конце концов армия Чжэна не выдержала, Лю Госю-

анию осталось только отступить на Тайвань вместе со своими людьми. Цинская армия сразу же заняла архипелаг Пэнху.

Ши Лан увидел, что армия Чжэна утратила решимость и сразу же послал людей к Лю Госюаню, убеждая его капитулировать. Лю Госюань был сообразительным, он уже давно знал, что Чжэн Кэшун не справится, и не хотел рисковать своей жизнью и имуществом. Он отправился к Чжэн Кэшуну и подробнейшим образом разъяснил ему ситуацию, а также сказал, что династию Цин в одночасье не пошатнешь, лучше уж не продолжать. Чжэн Кэшун подумал: контроль над армией находится в руках Лю Госюаня, если он решил не продолжать бой, то сам он ничего не сможет поделать, потому и согласился. И тогда для возврата Тайваня уже не было преград. Ши Лан вместе с армией высадился на остров и первым делом совершил поклонение в храме Чжэн Чэнгуна. Он обратился ко всем: «Я знаю, некоторые люди боятся, что я буду мстить семье Чжэн. Между нами действительно есть личная вражда. Но я четко различаю государственные дела и личные дела». Он произнес это со слезами на глазах. Люди поняли, что Ши Лан не будет сводить личные счеты, и успокоились.

Когда новость достигла Пекина, император Канси был так счастлив, что снял свою *магуа*⁴ и подарил ее Ши Лану. Он пожаловал Чжэн Кэшуну титул князя ханьских войск и поселил его в Пекине. Лю Госюаня назначил командующим Тяньцзиня – он по-прежнему командовал вооруженными силами. Ши Лану был пожалован титул *цзин-хайхоу* вечного наследования. Некоторые министры говорили: «Тайвань находится у моря, не обращайтесь на него внимания». Ши Лан представил доклад трону: «Без Тайвани никак нельзя! Здесь есть разнообразные изделия производства, которые издавна принадлежали нам. Кроме того, континентальный Китай служит в качестве барьера, как же можно произвольно отказаться от острова?». Император Канси сказал: «Ши Лан говорит дело. Как он и сказал, на Тайване надо учредить управу и разделить ее на три уезда, которые будут находиться под управлением провинции Фуцзянь. В дальнейшем на Тайвань и архипелаг Пэнху следует отправить войска, на Тайвань – восемь тысяч человек, а на архипелаг Пэнху – две тысячи».

Возвращение Тайваня прославило Ши Лана. В дальнейшем, когда люди упоминали о Тайване, то обязательно вспоминали Чжэн Чэнгуна и Ши Лана. Однако в семье Ши Лана был человек, который пользовался еще большей популярностью. Во время династии Цин и стар, и млад знал этого человека. Кто же он был?

⁴ Магуа – куртка китайского покроя, надевается поверх халата.

Черные соевые бобы да зеленые овощи

Второго сына Ши Лана звали Ши Шилунь, он был чрезвычайно известным чиновником во время династии Цин. Простой народ называл его Ши-гун. Это, конечно же, было связано с романом о судебном деле под названием «Дело господина Ши». Честный чиновник Ши Шулунь из «Дела господина Ши» раскрывал все дела одно за другим и получил прозвище «неподкупный судья». В его подчинении также был Хуан Тяньба и другие благородные люди. Все те истории составил рассказчик, но настоящий Ши Шилунь действительно был честным и неподкупным чиновником.

Когда Ши Лан отправился в поход на Тайвань, Ши Шилунь тоже принимал участие, его считали достойным человеком. Его отца звали Хоу Иньцзы, он был правителем округа Тайчжоу. Но он не желал почивать на лаврах славы чиновника во втором поколении, он хотел работать ради народа. Вскоре в провинции Хубэй поднялся военный бунт, который правительственные войска подавляли, они требовали, чтобы им по пути поставляли провиант и фураж. Некоторые офицеры и солдаты искали удобного случая, чтобы грабить народ, наживать большое богатство, и этим они ничем не отличались от бунтарей. Однако прибыв в Тайчжоу, они увидели, что Ши Шилунь уже заранее подготовил весь провиант и фураж, а с двух сторон стояли полицейские с палками. С каменным лицом Ши Шилунь обратился к правительственным войскам: «Провиант для армии рассчитан точно до последней крупинки, но кто осмелится заниматься мародерством, того я арестую и строго накажу в судебном порядке! Тогда нечего обижаться!». В конце концов офицеры и солдаты не осмелились скандалить в Тайчжоу. С тех пор народ запомнил Ши Шилуня.

Император Канси услышал о том, что сын Ши Лана прекрасно работает, и обрадовался, а потому повысил его до начальника округа Янчжоу. А в дальнейшем назначил его начальником округа Цзяннин. Где бы он ни оказался, он всегда был справедливым, честным и неподкупным. Постепенно Ши Шилунь набрался смелости брать на себя инициативу за народ и противостоять незаконным силам, так он и прославился. По прошествии некоторых лет в провинции Хунань появилась вакансия эmissара юстиции (должностного лица, ответственного за проверку и оценку чиновников), и многие министры рекомендовали Ши Шилуня, говоря, что он являлся наиболее подходящей кандидатурой. Император Канси покачал головой: «Я знаю, что Шилунь – честный и бескорыстный, но у него имеется слишком много предубеждений. Если простолюдин и образованный человек будут судиться, то он непременно будет склоняться на сторону простолюдина. Если образованный человек и деревенский аристократ будут судиться, то он непременно будет склоняться на сторону образованного человека. Во время судебного процесса надо придерживаться золотой середины, как можно идти на поводу у эмоций? Для такого чиновника, как он, заведовать довольствием – это самая подходящая должность». Тогда Ши Шилунь стал комиссаром по гражданским и финансовым делам провинции Хунань (ответственным за финансы и налоги). Как и предполагал император Канси, вскоре после вступления на должность Ши Шилунь отменил тяжелые поборы и налоги, облегчив бремя народа. Жители провинции Хунань были безгранично благодарны и возвели ему каменную стелу.

Впредь масштабы правления чиновника Ши Шилуня все больше увеличивались, пока однажды он не прибыл в столицу и не стал правителем столичной области Шуньтянь (равносильно мэру Пекина). На протяжении многих дней он исследовал все закоулки столицы, и некоторые вещи пришлись ему не по вкусу. Во-первых, некоторые тюрьмы сами вели судебные следствия и выносили приговоры; во-вторых, беспринципные люди нелегально покупали и продавали чиновничьи должности, делая из этого подпольный бизнес; в-третьих, посредники захватывали товары и монополизировали рынок путем запугивания или мошенничества; в-четвертых, повсюду под открытым небом публичные женщины пели, танцевали, созывали

банкеты, чтобы привлечь посетителей публичных домов. Все это свидетельствовало о падении нравов и устоев, и он подал доклад императору с требованием как можно скорее пресечь подобные действия. Император Канси согласился и сделал этот доклад императорским указом. С тех пор манеры и нравы столицы изменились к лучшему.

Император Канси хвалил Ши Шилуня за работоспособность и назначил его товарищем министра в Палате финансов. Он должен был заведовать довольствием, упорядочивать государственное казначейство и требовать обратно долги. Ши Шилань знал, что эти казенные дела будут нелегкими, в числе должников была вся императорская родня или сыновья императора, если вызвать чье-то недовольство, то придется нелегко. Тогда он хитро сказал: «Я слышал, что в Фэнъяне было выдано сто тысяч даней зерна в порядке помощи, но восемьдесят тысяч даней были скрытно разделены между чиновниками, это серьезное судебное дело. Я желаю произвести расследование и наказать виновных в судебном порядке. Если не справлюсь с этим делом, то готов взять на себя вину». Император Канси сказал: «Лучше наведи порядок в государственном казначействе, это намного полезнее, чем множество таких дел, как в Фэнъяне. Я тебя не отпускаю». Ши Шилуню оставалось только согласиться. Приступив к исполнению служебных обязанностей, он уже не боялся императорской родни, а действовал беспристрастно, он быстро разобрался с упорядочением казны надлежащим образом.

Всю жизнь Ши Шилунь заведовал деньгами и зерном и никогда не был крупным чиновником. Но его прямой и открытый характер вызывал доверие у людей и у императора Канси. Если посчитать, то в династии Цин был не один-два честных чиновника – кроме Ши Шилуня, также был Пэн Пэн, Чэнь Пэнъянь, Чэнь Бинь и другие. Неподкупность и справедливость крупного чиновника на высоком посту генерал-губернатора провинции еще больше радовали императора Канси.

Этого человека звали Юй Чэнлун, который был уроженцем Юннина (Юннин находится в округе Люйлян в провинции Шаньси). Юннин был тяжелым местом, с детства Юй Чэнлун привык жить экономно и познавал дни лишений. Несмотря на трудности, он прилежно учился. В возрасте сорока четырех лет императорский двор назначил его начальником уезда Лочэн (на севере провинции Гуанси). По сравнению с Юннином Лочэн был еще беднее, туда редко кто приезжал. Члены семьи убеждали его: «Как бы то ни было, наша семья неплохо справляется, зачем тебе ехать так далеко на юг в какое-то маленькое местечко, чтобы стать мелким чиновником? Говорят, там постоянно туманы и дожди, северянам невозможно привыкнуть к местным особенностям, в большинстве случаев они не возвращаются. Увольняйся, пока не поздно!». Родственники также убеждали его не ехать. Юй Чэнлун сказал: «Вы только пугаете! Предки говорили «во имя долга не надо бояться трудностей», раз уж императорский двор назначил меня, я не буду отказываться от должности из-за страха перед трудностями». Он продал некоторое домашнее имущество, собрал деньги на путевые расходы, нанял несколько сопровождающих и без членов своей семьи отправился в путь. Перед отъездом он сказал своему сыну Юй Тинъи: «Все домашние дела остаются на тебе. Запомни: я служу чиновником – не контролирую тебя, а ты заботишься о доме – не полагаешься на меня». От его слов сын почти расплакался.

На полпути он навестил близкого товарища по учебе. Тот сказал ему: «Ты в таком возрасте решил стать чиновником, о чем ты думаешь?». Он ответил: «Я уже давно решил: если уж стану чиновником, то буду честным и неподкупным, я не думаю о своей безбедной жизни, а беспокоюсь только о достатке народа. Нельзя нарушать честное слово!».

С такой огромной решительностью в сердце он шел несколько месяцев и наконец-то прибыл в Лочэн. Никто не вышел встретить его, он сам пошел в уездную управу и здорово перепугался. В уездной управе не было даже околodверной стены, весь двор порос сорняками, в трехкомнатной тростниковой хижине были служебные залы. Он долгое время крутился, а после разговорился с сослуживцами и узнал, что из-за многолетней военной смуты в уезде Лочэн бесчинствовали грабители и разбойники, народ обратился в бегство, во всем городе было только

шесть семейств и всего несколько более или менее приличных домов. В городе было совсем мало людей, но в горах можно было услышать рычание тигров, среди бела дня дикие обезьяны часто бродили вокруг и резвились во дворе. Юй Чэнлун вышел на улицу, с трудом встретил нескольких людей, они были черными и тощими. Увидев его, они убежали сломя голову, словно от призрака. У Юй Чэнлуна сжалось сердце, и он расплакался. Некоторые сопровождающие сказали ему: «Каким чиновником вы сможете стать в этих местах? Лучше бегите домой, пока не поздно!». Юй Чэнлун сказал: «Раз уж я пришел, то должен добиться успеха, трудностями меня не испугать!». Тогда из нескольких каменных плит он сделал стол, в коридоре соорудил кухонный очаг и начал готовить еду в котле. Вечером перед сном он положил под подушку нож, при себе у него также имелось два длинных копья – нужно было быть готовым ко всяким возможным случайностям.

Те сопровождающие не желали оставаться, через несколько дней один из них умер от болезни, а остальные улизнули. Юй Чэнлун не гнался за ними, он сам нанял полицейских и служащих, сказав им: «Кто такие грабители? Раньше они были обычными простолюдинами! Кто желает быть разбойником? Разве не голод принудил их к этому? Ответственность лежит на местных органах власти. Поэтому сначала нужно разобраться с чиновниками, они не должны обманывать народ и вредить ему, тогда и вернутся порядочные народные нравы». Он расклеивал уведомления о возврате народа в город, а также организовывал деревенских солдат для поддержания правопорядка. Эти действия были эффективными, и через несколько месяцев ситуация в Лочэне стабилизировалась, беглый народ в большинстве своем вернулся. Юй Чэнлун немедленно организовал производство, самым важным было хлебопашество и сбор зерна.

Как только наступила весна, крестьяне начали обрабатывать землю. В любую свободную минуту Юй Чэнлун отправлялся на поля, и через какое-то время народ освоился с этим начальником уезда. Однако по нему нельзя было сказать, что он был чиновником. Он редко носил униформу, а ходил только в старой холщовой одежде, иногда и головной убор не надевал, обувь тоже не носил, как и местное население. Он ходил босиком и с непокрытой головой и проводил время вместе со всеми. Когда крестьяне видели, что он приходил, то радовались ему, как члену своей семьи. Они окружали его и садились где-то под деревом, чтобы поболтать, и каждый из них звал его «отец». Юй Чэнлун говорил: «Хорошо работайте! Тому, кто хорошо работал и собрал хороший урожай, во время сбора урожая я перед дверями поставлю разноцветные флаги. Кто плохо работал, и у кого не будет урожая, я наказывать не буду, пусть ваши односельчане окружают вас и хорошенько отругают, посмотрим, будет вам стыдно или нет?». Все рассмеялись и сказали: «Ради чего отец пришел к нам издалека? Если мы будем плохо работать, то будем виноваты перед отцом!».

Юй Чэнлун не взял с собой свою семью, его сопровождение также разбежалось, служебные обязанности были выполнены, но никто не мог составить ему компанию. Он читал книги или покупал местное плохое вино и в одиночестве выпивал несколько рюмок. Опьянев, он ложился и засыпал. Односельчане знали, что ему было тоскливо, поэтому ежедневно ходили к нему поболтать, обсуждая с ним свои домашние дела: кто женился, кто выдал замуж дочь – с ним советовались по поводу и свадеб молодых, и похорон старцев. Кто строил новый дом, тому он писал дистих на парных каллиграфических панно, чтобы приклеить его на входе. Таким образом ему было уже не скучно, и он еще больше сблизился с местными жителями. Они проводили много времени вместе, и люди знали, что жалованье у Юй Чэнлуна было небольшое, а побочного дохода и совсем не было, все считали, что ему было слишком тяжело, поэтому многие люди собрали в складчину деньги, чтобы оказать ему материальную помощь. Народ помогает начальнику уезда – это что-то новенькое. Юй Чэнлун не принял эту помощь.

Однажды все увидели, как Юй Чэнлун купил утку: половину утки он сварил, а вторую половину высушил на солнце. Оказывается, к нему должен был приехать сын, чтобы повидаться. Когда сын Юй Чэнлуна прибыл, многие люди пришли в уездную управу с визитом

и начали наперебой хвалить его отца, они также доставали из карманов деньги и говорили: «Служить чиновником и содержать семью – это общепринятые нормы. Приехал сын, он же должен увезти отсюда хоть какие-то деньги. У твоего отца нет денег, мы вот собрали немного денег, возьми, возьми! А еще некоторые местные продукты, забирай с собой!». Юй Чэнлун был растроган: «Я благодарю вас за ваши добрые намерения. Я уже давно условился с сыном, чтобы он не рассчитывал на меня. Дома есть небогатое имущество, этого достаточно. Кроме того, отсюда до провинции Шаньси несколько тысяч ли, ему и неудобно будет все это нести, так что забирайте все обратно!».

Крестьяне увидели, что пришел Юй Чэнлун и окружили его, чтобы поболтать

Таким образом Юй Чэнлун проработал семь лет бедным начальником уезда в Лочэне. Начальство доложило о его успехах, и его повысили до правителя округа Хэчжоу в провинции Сычуань. Жители Лочэна не хотели отпускать его, они провожали его со слезами на глазах. Разумеется, в Хэчжоу он также работал превосходно, через несколько лет его опять повысили до начальника округа Учана, потом – до эмиссара юстиции провинции Фуцзянь, а затем он

стал генерал-губернатором Чжили. Он стал крупным чиновником, но его качества и поступки совершенно не изменились, куда бы он ни отправился, его сердце целиком и полностью принадлежало государственной службе, а деньги и имущество его не интересовали. Однажды, когда он был в провинции Фуцзянь, посланник иностранного государства нанес ему визит и преподнес ценный подарок. Он сказал, что не может принять подарок, тогда посланник достал благовоние и сказал: «Это часто употребляемая вещь и не считается подарком, просто попробуйте». Юй Чэнлун взял, понюхал и сказал: «Как приятно пахнет! Я уже попробовал, теперь можете забрать его обратно!». Посланник вышел и сказал: «Какая неподкупность! Никогда еще такого не встречал!».

Слухи о честности и неподкупности Юй Чэнлуна дошли до императора Канси. Он вызвал Юй Чэнлуна и сказал ему: «Я знаю о твоих делах, ты считаешься ныне самым неподкупным чиновником. Среди твоих сослуживцев есть такие же честные чиновники?». Юй Чэнлун назвал нескольких человек и сказал: «У меня нет других умений, я могу только прославлять Ваше могущество и мудрое управление государством». Император Канси сказал: «Для управления государством надо знать всю ситуацию в целом, а хитрить – недопустимо. Человек бесценен, если он верен самому себе от начала и до конца. Запомни это!». Через какое-то время Юй Чэнлун был назначен генерал-губернатором Цзяннани.

Когда провинциальные чиновники становились генерал-губернаторами, это считалось венцом карьеры. Некоторые говорили: «Цзяннань – это такой богатый участок, даже если Юй Чэнлун и захочет остаться скромным и неприхотливым, то ему будет тяжело это сделать!». Вот уж не ожидали, что Юй Чэнлун не заботился об изысканной еде или красивой одежде, он даже избавился от привычки заглядывать в бутылку и каждый день ел в основном вегетарианскую пищу. Все называли его «Юй Цинцай»⁵, но во время расследования дел о взяточничестве он никогда не проявлял небрежность и часто совершал тайные поездки в гражданской одежде. Некоторые нечистые на руку чиновники, как только встречали высокого седого старика, думали, что это был Юй Чэнлун с проверкой, и они сразу становились честными и верными. Увидев Юй Чэнлуна, некоторые чиновники восхищались ним и тоже начинали носить холщовую одежду, сокращать количество сопровождающих, избавляться от помпы и переходили к простой и скромной жизни. В 1684 году состоящий в должности 67-летний Юй Чэнлун умер от болезни. В то время у него при себе была только униформа чиновника и несколько банок соевых черных бобов. Все окружение плакало. Услышав эту новость, народ тоже расплакался. В той же местности ему построили храм предков. Получив доклад, император Канси вздохнул и сказал: «Сколько еще может быть таких чиновников, как Юй Чэнлун? Он действительно был самым честным чиновником». Тогда он посмертно присвоил Юй Чэнлуну титул попечителя наследника престола и дал посмертное имя «Цин Дуань» – «честный и порядочный».

Император Канси хвалил Юй Чэнлуна, а в душе думал еще об одном хорошем чиновнике – Цзинь Фу, Главном директоре работ по укреплению Хуанхэ и по содержанию Императорского канала. Прослышав, что Цзинь Фу успешно регулирует реку, он решил отправиться к Хуанхэ и лично во всем убедиться.

⁵ Цинцай – в переводе с китайского «зелень, зеленые овощи».

Регулирование рек и укрепление границ

Спустя столько лет нрав Хуанхэ не изменился – она постоянно разливалась вширь. Главные директора работ по укреплению Хуанхэ и по содержанию Императорского канала менялись один за другим, и регулирование реки было неэффективным. Император Канси был обеспокоен, несколько лет назад он выбрал Цзинь Фу и отправил его регулировать реку. Цзинь Фу был генерал-губернатором провинции Аньхой, его политические достижения были превосходными, а характер – справедливым и честным. Однако когда он получил назначение, его сердце билось неистово – он никогда не имел дела с паводками, у него также не было познаний в этом деле, сможет ли он регулировать реку? Еще раз хорошенько подумав, император решил, что этот человек заслуживает доверия, а потому несмотря на трудности он должен был принять эту должность. К счастью, ему помогал хороший друг Чэнь Хуан, поэтому выход можно было найти.

Чэнь Хуан был сотрудником Цзинь Фу, который специализировался на охране водных ресурсов в сельском хозяйстве. Он любил шевелить мозгами, а также обладал истинным талантом и настоящей эрудицией, вот только не выдержал экзамен на *кэцзюя*⁶, поэтому и не смог реализовать все свои амбиции. Однажды во время визита храма Люй Дунбиня в Ханьдане он вспомнил историю о том, как Люй Дуйбинь взял займы подушку и увидел сон, и тогда написал несколько строк: «В течении сорока лет – князь и феодал, хотя это лишь грезы, но как они прекрасны. Сегодня я скитаюсь по улицам Ханьданя и желаю вместо господина взять займы подушку». Случилось так, что Цзинь Фу как раз вступил в должность в провинции Аньхой, проходя мимо, он увидел этот стих и подумал, что его автор забавный, тогда он послал людей, чтобы они нашли этого человека. Когда они встретились, то сразу сошлись характерами, и Цзинь Фу предложил Чэнь Хуану стать своим помощником, чтобы он давал советы и разрабатывал планы.

На этот раз Цзинь Фу стал Главным директором работ по укреплению Хуанхэ и по содержанию Императорского канала, разумеется, что он взял с собой и Чэнь Хуана. У Чэнь Хуана появилась возможность применить свои способности – он чрезвычайно увлекался делами регулирования рек. Они оба осматривали реки, измеряли рельефы местности и параметры воды, знакомились с материалами и обсуждали методы работы. Чэнь Хуан был знатоком, и Цзинь Фу также не был профаном, они вместе тщательно изучали методы регулировки рек. В конце концов, они предложили ряд методов, таких как отвод наносов в низменные места для создания сельскохозяйственных угодий, срезка русел для строительства плотин. Совместное управление реками Хуайхэ, Великим каналом и Хуанхэ и так далее, а также направили большое количество рабочих-мигрантов для интенсификации строительных работ. Через несколько лет таких работ Хуанхэ и Хуайхэ действительно больше не разливались и стали спокойнее.

Император Канси уже давно раздумывал над тем, чтобы взглянуть на Хуанхэ и попутно навестить Цзинь Фу. Однако как раз тогда он получил новости с Северного Китая, которые безмерно его рассердили. Оказывается, в то время Россия желала неустанно расширяться на восток, она отрядила войска, которые перешли через Внешний Хинган и заняли Албазино и другие территории, а также продолжали продвигаться вперед по рекам Хэйлуцзян и Сунхуацзян. Эти территории были местами происхождения маньчжуров, как же династия Цин сможет уступить их русским? Император Канси направил людей для переговоров с Россией, приказывая им уйти. Русский царь был безрассудным и деспотичным, он не желал отступить. Император Канси разъярился и решил сначала поехать на северо-восток. В 1682 году он прибыл

⁶ Кэцзюй – отбор путем экзаменов; старая, до 1905 года, система государственных экзаменов в Китае для получения ученой степени и права поступления на должность.

в Цзилинь, с корабля на реке Сунхуацзян он проверил охрану границ и решил силой оружия вернуть утраченную территорию. Он сказал своим подчиненным: «Не милостью – так кнутом! Если действительно не договоримся, будем сражаться, чтобы прогнать их!».

Через какое-то время после возвращения в Пекин, император Канси отправился в уезд Таньчэн (на юге провинции Шаньдун). Цзинь Фу сопровождал его, чтобы осмотреть инженерные работы на Хуанхэ и Хуайхэ, и попутно все объяснял. Император был очень доволен услышанным, а затем расспросил местных стариков и студентов, которые сообщили ему, что Цзинь Фу ловко регулирует реку, а также является честным и неподкупным чиновником. Император Канси сказал Цзинь Фу: «Ты преданно работаешь, люди хвалят тебя, поэтому я спокоен». Цзинь Фу сказал: «Это все ваше благословение, меня нельзя считать важным». Император Канси спросил его: «В твоём окружении непременно есть способные люди, которые поддерживают тебя?». Цзинь Фу сказал: «Разумеется! Если бы не он, я бы сам не справился с реками». И тогда он рассказал о заслугах Чэнь Хуана. Император Канси кивнул головой и сказал: «Таких талантливых людей, как Чэнь Хуан, сложно найти. Ему также следует дать почетную обязанность». Его тут же назначили помощником секретаря министерства (приравнивается к должности помощника), должность принадлежала к пятому классу чиновников – небольшая, но и немалая. Осмотрев Хуанхэ, император Канси направился в Сучжоу и Цзяннин, а затем вернулся в Пекин. Вскоре он получил хорошие новости с северо-востока: цинская армия разбила российскую армию и вернула Албазино. У России не было иного выбора, кроме как согласиться на проведение переговоров о линии границы на восточном участке двух стран. Представителем России был Головин, император решил отправить Сонготу в качестве представителя. Шурин императора Тун Гоган, полководец Сабсу и другие также участвовали в переговорах. Император был занят этой дипломатической деятельностью и не ожидал, что на Хуанхэ опять произойдет инцидент.

Оказалось, что когда император Канси в последний раз осматривал Хуанхэ, он между прочим упомянул, что эстуарий можно было бы расширить, чтобы река могла сразу же впадать в море. Но Цзинь Фу считал, что это была плохой идеей, поэтому не поддержал этот разговор. Об этом узнал эмиссар юстиции провинции Аньхой Юй Чэнлун и сказал: «Цзинь Фу не умеет регулировать реки, слишком уж медленно, нужно срочно прочистить устье реки». Это был не тот честный и неподкупный чиновник Юй Чэнлун, о котором мы говорили ранее. Два Юй Чэнлуна жили в ту же эпоху и в том же месте служили чиновниками, кроме того, были хорошо между собой знакомы. Для того, чтобы различать их, будем называть их «первый» и «второй». Первого Юй Чэнлуна уже не было в живых, а второй Юй Чэнлун хотел выслужиться, поэтому бросил вызов Цзинь Фу, говоря, что его методы работы ошибочны. Цзинь Фу был откровенным и искренним, ему было все равно, что идея принадлежала императору, он был решительно против. Он сказал: «Поверхность устья реки на пять чи ниже моря, если открыть устье, то может случиться прилив морской воды, это очень опасно! Этого ни в коем случае нельзя делать!». Второй Юй Чэнлун не соглашался и говорил, что дноуглубительными работами и созданием сельскохозяйственных угодий Цзинь Фу губит людские и материальные ресурсы. Несколько придворных чинов также подливали масла в огонь, говоря, что Цзинь Фу не умеет регулировать реки и тратит много денег – он должен быть приговорен к наказанию! Кроме того, они говорили, что Цзинь Фу такой жесткий и непреклонный из-за подстрекательства Чэнь Хуана. Цзинь Фу злился и спорил с ними, обе стороны полностью разругались.

Хотя император Канси доверял Цзинь Фу, однако услышав, что тот раскритиковал его идею, не слишком обрадовался. Он сказал Цзинь Фу: «Ты уверен, что в вопросе регулировки рек не произойдет никакой ошибки? Это важное дело для экономики страны и жизни народа. Не думай, что только ты можешь быть прав!». И он снял Цзинь Фу с должности. Чэнь Хуану не повезло еще больше – его арестовали для допроса. Чэнь Хуану было так обидно! У него на душе было слишком тяжело, и он вскоре умер от болезни. Цзинь Фу решительно не признавал

свои ошибки, он сказал императору Канси: «Не имеет значения, буду я чиновником или нет, если Вы можете найти свободное время, чтобы поехать и еще раз все осмотреть, то так будет лучше всего».

В конце концов, император Канси был благоразумен, и, услышав это, послал людей для тайного расследования. Только тогда он разобрался, что второй Юй Чэньлун и другие были неправы. Весной 1689 года он нашел время, чтобы второй раз поехать на строительную площадку регулировки рек на юге. В этот раз раскрылась вся правда: построенная Цзинь Фу плотина была очень крепкой, а поток речной воды был плавным. Расспросили простой народ – они твердили о достоинствах Цзинь Фу. Император Канси решил все-таки использовать порядок и систему регулировки рек Цзинь Фу.

Вернувшись в Пекин, император Канси занялся переговорами с Россией. Летом того года переговоры начались в Нерчинске. Представитель России Головин был неуступчивым, говоря, что граница должна проходить по реке Хэйлунцзян, а Цзянбэй должен отойти России. Сонгогу предоставил исторические и реальные основания и, превозмогая душевные муки, сказал им: «Участок на восток от озера Байкал уже с давних пор находится под юрисдикцией Китая, население платит нам налоги, как же он вдруг стал вашим?». Обе стороны уперлись и стояли на своем. В это время император Канси получил доклад о том, что между разными частями Монголии были распри, а некоторые из них еще и вступали в сговор с Россией. Он переживал, что если затянуть переговоры, то могут возникнуть непредвиденные события, поэтому дал указание пойти на уступки. В конце концов, представитель Китая предложил считать Внешний Хинган границей, и Россия согласилась. Таким образом осенью 1689 года обе стороны подписали «Нерчинский договор». Хотя Китай уступил некоторые территории, но на северо-восточной границе стало намного спокойнее.

Когда император Канси высвободил время, он начал разбираться с беспорядками на северо-западной пограничной территории. В то время Монголия была разделена на три большие части: юг пустыни Гоби, север пустыни Гоби и запад пустыни Гоби. Монголия в западной части пустыни Гоби называлась Монголией ойратов, которая включала в себя четыре части, где проживали джунгары, хошоты, торгоуты и дербеты. Они занимались кочевым скотоводством к северу от горы Тянь-Шань Западного края и к востоку от озера Балхаш. Влияние джунгаров было самым большим, они постоянно притесняли другие народности, пытаясь вытеснить их. Торгоуты не могли с ними справиться, а потому переместились на запад – в регион реки Волги. В этот раз бед натворил Галдан – глава джунгаров. Сначала он убил своего дядю и тестя, захватив верховную власть, а потом послал войска в поход, чтобы они по всем направлениям безрассудно дрались. Он не только нанес поражение хошотам, но еще и напал на Монголию северной пустыни Гоби, захватив большую часть территории. Очевидно, что Галдан хотел единолично захватить западную и северную часть пустыни Гоби, по этому поводу он даже просил помощи у России. Россия предоставила ему множество огнестрельного оружия и боеприпасов, а также направила людей на север пустыни Гоби, чтобы захватить территорию.

Монголия северной части пустыни Гоби также называлась территорией халха-монголов и разделялась в то время на четыре части: Тушэту-хан, Засагту-хан, Сэцэн-хан и Сайн-нойон-хан. Их сначала раздирали междоусобицы, а затем они начали давать отпор российской армии. Они не были готовы к нападению Галдана, поэтому потерпели поражение, и им только осталось бежать в южную часть пустыни Гоби. Галдан отправился в погоню и проследовал до Улан-Бутуна (к югу от территории проживания племени кэшикэтэн во Внутренней Монголии). Национальности халха оставалось только попросить помощи у императорского двора. Император Канси послал людей для примирения, но Галдан ничего и слышать не хотел и вступил в бой с цинской армией. Улан-Бутун находился всего в 350 километрах от Пекина, и мятежные войска быстро прибыли. Император Канси издал приказ дать отпор. Так началась война, которая должна была подавить бунт.

Летом 1690 года император Канси лично возглавил многочисленную армию и вышел за пределы Губэйкоу и Сифэнкоу и прибыл в Улан-Бутун. Галдану пришла в голову такая идея: он приказал подчиненным связать более десяти тысяч верблюдов и уложить их на земле, на спины взвалить ящики и накрыть все мокрым войлоком. Расположенные в ряд, они казались живой стеной, – «верблюжий город». Воины спрятались в этом верблюжьем городе и начали стрелять из оружия и луков. Цинская армия не обратила внимания на этот трюк и начала стрелять по верблюжьему городу из пушек. В конце концов, много верблюдов погибло, а мятежные войска были разбиты, и они наперебой обратились в бегство. Галдану осталось только отправить посланников с предложением мира, сказав, что он выполнит приказ императорского двора об отступлении и больше никогда не будет притеснять национальность халха. Главнокомандующий цинской армии Фу Цюань поверил и отпустил Галдана с его армией. Кто бы мог подумать, что Галдан остановится на полпути своего отступления, пополнит снабжение, а затем вернется, чтобы продолжить бой.

Император Канси сказал полководцам: «По-видимому, если Галдана не убрать, то на границе мира не будет. Рано или поздно его все равно надо будет убрать». Для умиротворения границы он неоднократно производил инспекторский осмотр в Монголии. Самым оживленным был 1691 год. После большой победы в Улан-Бутуне император Канси прибыл к озеру Долон-Нур (уезд Долон-Нур во Внутренней Монголии) и собрал всех вождей из Монголии в южной и северной частях пустыни Гоби. После убеждений императора вожди все части Халха-Монголии объявили о примирении и установили различные системы. После собрания также состоялась церемония военного парада. Таким образом, Монголия Южной Гоби и Северной Гоби утихомирились и могли единодушно противостоять Галдану.

Вернувшись в Пекин, император Канси мимоходом спросил о делах регулирования рек. Зная, что там есть проблемы, он приказал Цзинь Фу снова стать Главным директором работ по укреплению Хуанхэ и по содержанию Императорского канала. Цзинь Фу доложил: «Я уже стар и болен, пусть этим делом все-таки другие занимаются». Император Канси не согласился, и больному Цзинь Фу осталось только принять должность. Он хотел как можно скорее оправдать Чэнь Хуана, поэтому написал доклад, в котором говорил о больших заслугах Чэнь Хуана и о том, что нужно восстановить его славу. Император Канси отправил людей для вторичной проверки. Цзинь Фу прослужил только больше полугода, как вдруг умер от тяжелой болезни. После его смерти никто не занимался делом Чэнь Хуана. К счастью, все написанные Чэнь Хуаном книги о регулировании рек сохранились, а о его успехах и достижениях помнят потомки! Когда император Канси узнал, что Цзинь Фу умер, то начал беспрерывно вздыхать. Как и первого Юй Чэнлуну, он наградил Цзинь посмертным титулом попечителя наследника престола. Второй Юй Чэнлун продолжил руководить регулированием рек и действовал в соответствии с методами Цзинь Фу. А император Канси опять занялся Галданом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.